

ОЛИВИЯ ДРЕЙК

Дюшесенная принцем

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Оливия Дрейк

Похищенная принцем

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Дрейк О.

Похищенная принцем / О. Дрейк — «Издательство АСТ»,
2014 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-120330-6

Элли Стратем вынуждена владеть жалкое существование гувернантки своей богатой кузины леди Беатрис, изо дня в день мечтая о том, как наконец вырвется из ненавистного дома и начнет самостоятельную жизнь. Но вдруг происходит непредвиденное – ее похищает опасный человек... Демиан Берк, герой множества светских скандалов, не зря носит прозвище Принц-Демон. И все же похитить леди Беатрис с целью шантажа ее брата – пожалуй, чересчур даже для него. К тому же в результате нелепой ошибки его пленницей становится Элли. Невозможно даже отпустить похищенную – Демиан и Элли отрезаны от всего мира снежной бурей в уединенном замке. Но хватит ли столь недолгого времени, чтобы оба поняли: с ними произошло не глупое недоразумение, а великое чудо любви?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-120330-6

© Дрейк О., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Оливия Дрейк

Похищенная принцем

Olivia Drake
ABDUCTED BY A PRINCE

© Olivia Drake, 2014

© Перевод. Н.Л. Холмогорова, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

– Это просто нелепость! – вскричал Уолт Стратем, виконт Гривз. – Дай мне отыграться!
– Лучше обсудим это наедине.

Заметив, что несколько членов клуба уже устремили на них любопытные взгляды, Демиан Берк провел разгневанного виконта в свой кабинет и закрыл дверь.

Посреди просторной комнаты, на мягком персидском ковре – лучшем, какой можно купить за деньги – высился массивный стол на львиных лапах. Час был поздний, и за высокими окнами стояла тьма, испещренная светящимися точками городских огней. От книжных полок у стены исходил легкий приятный запах кожаных переплетов. С противоположной стороны, разгоняя промозглый февральский холод, потрескивал огонь в камине.

Роскошь обстановки не была случайностью. В отличие от однокашников по Итону, наследовавших семейное богатство, Демиан начинал свой путь из нищеты. Всем, что имел, он был обязан самому себе. Все свое состояние сколотил сам: сперва за игорным столом, затем – разумными вложениями в недвижимость, морскую торговлю и в этот клуб.

Настойчиво и целеустремленно шел он к своей цели – превратить «Логово Демона» в самый модный игорный клуб Лондона. Здесь золото рекой лилось из карманов аристократов в его сундуки. Знать не желает принимать его у себя в гостиных? Что ж, будь он проклят, если не заставит этих высокородных гордецов платить за то, что принимает их у себя!

Особенно этого.

Демиан не стал приглашать клиента присесть у камина; вместо этого подошел к столу, извлек из кармана туго набитый кожаный кошель, бросил на полированную столешницу. В кошеле сухо загремели игральные фишки, выточенные из слоновой кости.

Виконт мрачно уставился на кошель. Неудивительно: сумма его проигрыша превышала пятилетнее содержание, которое он получал от графа Пеннингтона, своего отца! Граф имел репутацию человека сурового и жесткого – и, как говорят, умел считать деньги. В предстоящем сезоне он выводит в свет дочь, а это всегда большие расходы. Едва ли лорд Пеннингтон согласится оплачивать карточные долги беспутного старшего сына!

Уолт все больше мрачнел, представляя, как будут висеть у него на пятках кредиторы. Не спасет даже то, что он наследник графского титула! Единственное избавление – согласиться на условия, которые предложит ему Демиан.

Но сперва Демиан хотел насладиться своей победой.

С намеренной медлительностью он расстегнул кошель. Уолт мало изменился со школьных дней; он источал все то же врожденное чувство превосходства аристократа над «черню». Однако теперь в светло-карих глазах, тревожно глядящих из-под взбитого рыжего «кока», ясно читалась паника. За много лет Демиан научился безошибочно угадывать тайные мысли и чувства людей по взглядам, гримасам, едва заметным жестам. Нервный тик, постукивание пальцами по столу, подергивание бровей – все это может подсказать, какие карты на руках у твоего противника.

Этот свой талант Демиан использовал и сегодня, чтобы овладеть добычей. Больше пятнадцати лет ждал он этого момента! Но теперь Демиан – не тот порывистый мальчишка, каким был в школьные годы; так что он не спешил и сохранял внешнее бесстрашие.

Высыпав фишки горкой на стол, он принялся раскладывать их аккуратными столбиками. В сущности, обращаться к фишкам не требовалось: сумму своего выигрыша Демиан знал и без них. Эта процедура была призвана поиграть у Уолта на нервах.

– Настало время рассчитаться, – проговорил Демиан. – Перо и бумага вон там. Выпиши мне чек.

Уолт не сделал ни шага в сторону стола, на краю которого лежали листы бумаги и стояла чернильница. Вместо этого высокомерно вздернул подбородок:

- Черта с два! Будь ты джентльменом, дал бы мне шанс отыграться!
- Извини, такого уговора у нас не было. Мы договорились, что победитель получает все.
- Только потому, что я думал...
- Думал, что я – легкая добыча.

Совсем как в Итоне. Легкая добыча: одинокий мальчишка-сирота, маленький и слабый для своего возраста, непонятно как попавший в эту школу – среди высокомерных отпрысков богатых и привилегированных семей.

Уолт нервно поправил лацканы своего бутылочно-зеленого сюртука.

- Это твой клуб. Наверняка ты как-то это подстроил!

Демиан ядовито усмехнулся. В своих неудачах Уолт вечно винил других, особенно тех, кто стоял ниже его на социальной лестнице. Никогда он не осмелился бы бросить такое обвинение в лицо джентльмену, равному себе! Как ни хотелось Демиану кинуться на него с кулаками – он понимал, что сейчас не должен выплескивать свою ярость в насилии. У него другая задача.

– Карты сдавал ты, – спокойно ответил он. – Если и было какое-то шулерство, то только с твоей стороны.

- Чушь собачья! Ты как-то пометил карты!

– А ты осмотрел колоду перед тем, как начать игру. Хватит этих отговорок. – Демиан подтолкнул к нему чернильницу и бумагу. – Выписывай чек.

Уолт не двигался с места, переминаясь с ноги на ногу.

- Нет смысла, – угрюмо ответил он наконец. – На моем счете таких денег нет.

Что ж, наконец-то перешли к делу! Теперь Уолту предстоит узнать, что Демиан вовсе не жаждет лишить его состояния.

По крайней мере, того, что выражается в деньгах.

- Попроси займы у своего отца, – бросил он, подходя к столу.
- Ни за что! Он терпеть не может игру и игроков!
- Правда? Что ж, похоже, ты попал в переделку!

Уолт неохотно потянулся за пером.

– Если так настаиваешь, напишу долговую расписку, – проговорил он. – Этого тебе хватит?

– Нет. Боюсь, не хватит. Буду откровенен: мне хотелось бы получить деньги до конца этой недели.

– Черт бы тебя побрал! – Уолт отшвырнул перо, и по бумаге разлетелись брызги чернил. – Чего ты от меня хочешь? Чтобы я продал душу какому-нибудь кровососу-ростовщику?

Демиан опустил в кресло перед столом и сплел пальцы. Настало время получить ответ на вопрос, который все эти годы жег его изнутри.

- Что ж, хорошо, – сказал он. – Раз денег у тебя нет, можешь заплатить мне по-другому.
- Как? Скажи!

Нотки отчаянной надежды в его голосе прозвучали для Демиана сладкой музыкой.

– У тебя есть вещь, принадлежащая мне. Верни ее – и я прощу тебе долг.
– Твоя вещь? – нахмурился Уолт. – Да мы с тобой, почитай, и не виделись после выпуска из Итона, а было это больше десяти лет назад!

– Ты украл ее у меня, когда мы учились. Напряги память, может быть, припомнишь этот случай.

Сам Демиан не забывал никогда. Воспоминания раскаленными угольями жгли его все эти годы. Быть может, все было бы еще не так страшно, происходи он из родовитой, но обедневшей

семьи. Но хуже всего, что происхождение Демиана было и осталось загадкой – даже для него самого.

Он вырос в бедном домишке на окраине Лондона, в Саутуарке, на руках у пожилой женщины, которую называл Мимси. Миссис Мимс учила его не только читать и писать – от нее он усвоил правильный аристократический выговор, азы математики, истории и географии. Быть может, поэтому с раннего детства Демиан чувствовал: он особенный. Не такой, как соседские оборванные мальчишки, бегающие по улицам. Иногда Мимси намекала, что в его жилах течет королевская кровь. Рассказывала ему сказки о принцах, победителях драконов, и заканчивала словами: «И ты должен быть таким же храбрым, как этот принц». Став постарше, Демиан начал спрашивать, где его родители. Мимси отвечала уклончиво: его, мол, доверили ей ради его безопасности.

Если в своих расспросах мальчик становился слишком настойчив, лицо Мимси омрачалось тревогой и печалью, и он умолкал. Демиан не решался расстраивать Мимси ради удовлетворения своего любопытства, ведь, кроме этой женщины, у него не было никого в целом свете.

Однажды они сели в почтовую карету, идущую в Виндзор, и приехали в Итон-колледж. Здесь, в душной комнате, Демиану сначала пришлось долго читать и разбирать тексты и решать математические примеры. Потом вдвоем с Мимси они подошли к высокому зданию, увитому плющом. Здесь Мимси сказала, что ей нужно поговорить с кем-то наедине, и вошла внутрь, а Демиана оставила на каменных ступенях крыльца. Мимо ходили, поодиночке и группами, мальчики постарше его в строгой итонской форме. Демиану они казались какими-то небожителями; рядом с ними он особенно остро ощущал, что сам одет неказисто и бедно. Наконец Мимси вышла и сообщила, что он принят в школу с проживанием. Демиан отчаянно протестовал, не желая, чтобы она бросила его одного среди незнакомцев, но Мимси была непреклонна.

Прежде чем уйти, она надела ему на шею тонкую золотую цепочку. На ней болтался железный ключик: его Мимси приказала Демиану спрятать под ворот рубашки.

– Я ждала подходящей минуты, чтобы передать это тебе, мой маленький принц. Когда тебя отдали мне, еще младенцем, этот ключ был спрятан в твоём одеяльце.

Демиан поднес ключ к глазам, рассматривая его, как зачарованный.

– Он принадлежал моему отцу? – спросил он. – А что он отпирает?

– Придет время, и ты все узнаешь. Все написано в письме. А пока храни ключ. Никогда никому его не показывай. Учись хорошо, мой мальчик, чтобы я могла тобой гордиться. – И, со слезами обняв мальчика и пообещав навещать его по праздникам, Мимси поспешила прочь.

Она так и не вернулась.

Перед самым Рождеством директор колледжа сообщил Демиану, что миссис Мимс скоропостижно скончалась от внезапной болезни. Новость эту он передал холодно, едва ли понимая, что во всем свете у мальчика нет больше ни единого близкого человека.

В тот день после уроков Демиан прокрался в сад, чтобы никто не стал свидетелем его слез. Довольно и того, что над ним издевались из-за бедности и безродности: он не хотел прибавлять к списку своих грехов звание плаксы. Демиан сел на землю за обнаженными кустами рододендрона, прислонившись спиной к стене жилого корпуса. Холодный ветер кусал за щеки и за шею, пробирался под форменную курточку. Наконец горе взяло верх над мальчиком, и он зарыдал, утирая рукавом мокрое лицо.

Наплакавшись, он достал из-за жесткого форменного ворота ключ, провел по нему кончиками пальцев. С одного конца – три зубца, с другого – выгравированная на стали корона в окружении каких-то завитушек.

Мимси больше нет, и этот ключ – единственная связь с его прошлым. Может быть, корона означает, что в нем действительно течет королевская кровь? О, как Демиан хотел в это верить! Всем сердцем желал однажды оказаться принцем, с собственным дворцом и сундуками, пол-

ными золота, чтобы ему завидовали все соученики! Что, если ключ отпирает сокровищницу в каком-нибудь замке?

Видения золотых корон и сверкающих драгоценных камней заполнили его воображение. Следом за этой мыслью пришла другая. Что, если король, его отец, томится где-нибудь в темнице и ждет, когда сын придет ему на помощь...

Звук приближающихся шагов вырвал его из фантазий. Демиан застыл, сжав ключ в руке.

Раздвинув кусты, подошел Уолт Стратем с двумя своими приятелями. С самого появления Демиана в школе эта троица выбрала его своей излюбленной жертвой.

– Эй! – позвал Уолт. – Что это у тебя на шее, цепочка? А может, ты у нас девчонка переодетая?

Другие двое захихикали, один подобрал воображаемые юбки и принялся семенить, передразнивая женскую походку. Демиан поспешно начал запихивать ключ за ворот. Но не успел.

– Дай-ка сюда! – Уолт схватил за золотую цепочку и рванул.

Не помня себя от ярости, Демиан бросился на него. Из всех своих слабых силенок молотил руками и ногами, думая лишь об одном – защитить драгоценный ключ! Кулак его врезался Уолту в нос, и тот отшатнулся, из носа заструилась кровь.

Следовало бы воспользоваться его замешательством и бежать; но ярость, рожденная горем, обратила Демиана в дикого зверя. Он кинулся на других двоих – и успел нанести несколько чувствительных ударов, прежде чем они, объединив силы, взяли над ним верх. Его швырнули на каменистую почву и прижали к земле.

В дикой ярости, забыв обо всякой осторожности, Демиан извивался и вопил:

– Отпустите меня! Я принц! Мой отец – король, он вам отрубит головы!

На миг наступило изумленное молчание. Затем троица разразилась издевательским хохотом.

– Король? – протянул один. – Да у тебя вообще нет отца!

Уолт, с окровавленным носом, оскалился в злой усмешке.

– Ты просто грязный ублюдок! – И потряс отнятым ключом на золотой цепочке. – А может, твой отец – сам дьявол? Так тебя и будем звать: Принц-Демон!..

– Так что же, Берк? Говори! Объясни, чего ты от меня хочешь!

Голос Уолта вырвал Демиана из прошлого. Все это давно позади: он сидит за столом в уединенном кабинете у себя в клубе, глядя в лицо своему давнему врагу. Виконт Гривз стоял перед ним, сжав кулаки. В светло-карих глазах читалось одно желание – любым способом расплатиться с карточным долгом и покончить с этим.

Уолт, очевидно, этого случая не помнил. И с чего бы? Он мучил Демиана Берка и издевался над ним не один, не два, а десятки раз – пока Демиан не вырос и не окреп настолько, что связываться с ним стало опасно.

– В первый наш школьный год ты отнял у меня ключ, – сухо сказал Демиан. – Напал на меня за жилым корпусом, вместе с двумя приятелями.

– Ключ? – На лице у Уолта мелькнул проблеск понимания; но в следующий миг он сощурил глаза и плотно сжал губы. – И ты готов простить весь мой проигрыш за какую-то давно потерянную безделушку? Да ты с ума сошел!

– Неважно. Верни мне ключ.

Уолт сделал шаг назад, запустил пальцы в рыжие волосы.

– Боже ты мой, да это было пятнадцать лет назад! Неужели ты думаешь, я помню, что с ним стало? Скорее всего, выбросил его куда-нибудь в мусор.

– Тогда ты не так говорил. Ты дразнил меня: говорил, что спрятал ключ в таком месте, где я никогда его не найду.

– Правда? Ну, даже если и так, сейчас я совсем этого не помню.

Однако говоря это, Уолт отводил глаза, старался не встречаться с ним взглядом. Явный знак обмана! Демиан ощутил, что внутри у него словно туго сжимается какая-то пружина. Уолт лжет! Он знает, где ключ!

– Значит, напряги память, – резко ответил он. – Это твой единственный шанс расплатиться с долгом.

Уолт смерил его ненавидящим взглядом.

– Да на кой черт тебе этот ключ? – воскликнул он. – Что за ларец с сокровищами он открывает? Не удивлюсь, если узнаю, что уже тогда ты где-нибудь припрятывал краденое!

Огромным усилием воли Демиан сохранил внешнее спокойствие.

– Верни мне ключ, – медленно и раздельно повторил он. – Даю тебе срок до завтрашнего вечера.

– Так быстро не выйдет! – возразил Уолт; взгляд его блеснул хитростью.

– Даже не думай, что сможешь меня обмануть. Я помню этот ключ во всех подробностях и сразу узнаю подделку. – Сделав драматическую паузу, Демиан добавил: – Если же ты не выполнишь свою часть сделки, мне придется поискать другие способы взыскать с тебя долг. Возможно, такие, которые не придутся тебе по душе.

– И что это значит?

Демиан позволил себе холодную усмешку.

– Кажется, твоя сестра готовится сейчас к своему первому балу? Невинные девицы, никогда еще не бывавшие в свете, бывают очень уязвимы для чар загадочных незнакомцев...

При этих словах виконт так побледнел, что на щеках ярко выступили веснушки.

– Ты... ты... не смей даже приближаться к Беатрис, слышишь?

– Тогда делай, как я говорю. Верни мне ключ.

Ноздри Уолта раздувались, и тяжело вздымалась грудь под бутыльно-зеленым сюртуком. Он стукнул кулаком по столу, и костяные фишки полетели в разные стороны.

– Ублюдок! Может, ты и научился прикидываться джентльменом, но остался тем, кем был, – комком уличной грязи!

И, развернувшись, вылетел за дверь.

«Ублюдок...»

Демиан поднялся из-за стола и подошел к окну, вглядываясь в ночь. Сколько лет прошло, а это мерзкое словечко до сих пор жжет огнем. Ведь и сейчас он ровно ничего не знает о своих предках. И это не дает ему покоя. Мучает желание выяснить, кто же он на самом деле. Теперь не только ради себя – ради Лили.

При мысли о дочери что-то сжало ему сердце. Лили всего шесть лет, и пока отец составляет весь ее мир; но уже скоро она захочет знать, где ее дедушка и бабушка. Кем они были, откуда, почему покинули сына. Мимси упоминала какое-то письмо, должно быть, от его родителей, в котором будто бы все разъясняется. Но после ее смерти никакого письма он не получил. И позднее, когда приехал в Саутуарк и попытался выяснить, что стало с вещами Мимси, так ничего и не добился. Только Мимси знала ответы, и с ее смертью захлопнулась дверь, способная привести Демиана к прошлому.

Но есть еще ключ. Ключ, который может открыть эту дверь.

За спиной послышались неровные шаги. В оконном стекле появилось отражение слуги – кривоногого коротышки: отблеск газовых светильников блестел у него на голове, голой, словно бильярдный шар. Финн Макнаб, бывший прислугой в Итоне, в школьные годы оставался единственным союзником Демиана. Только ему и его жене Демиан поверял свои тайны.

Однако сейчас Демиан не нуждался в обществе. Повернувшись, он резко сказал:

– Хотелось бы верить, что ты не подслушивал у дверей.

Финн оскалил в улыбке желтые зубы.

– А какой смысл под дверью-то торчать? Все одно ничего толком не расслышишь, – ответил он с густым шотландским акцентом. – И что же, вспомнил его милость, что стряслось с ключом?

– Мясся и вилял. Но он знает. Я уверен.

– И он принесет вам завтра ключ?

– А что ему остается?

Финн вздернул кустистую бровь.

– Вы уж меня извините, сэра, но этим знатным да родовитым одержать верх в схватке куда проще, чем нам, простым смертным.

– Не в этот раз. – Демиан помолчал; в уме его принимал все более четкие очертания смелый план. – Если он откажется мне подчиниться, я похищу его сестру. И ключ станет за нее выкупом.

Глава 2

Следом за кухней мисс Элоиза Стратем перешагнула порог роскошного особняка и в нерешительности застыла у дверей, понимая, что в случае чего вина ляжет на ее плечи. В холле было холодно, и она пожалела о том, что отдала прислуге свой плащ. Но еще больше – о том, что позволила Беатрис уговорить себя на эту авантюру.

Даже не уговорить – скорее, просто заставить врасплох. Кухина ни о чем ее не предупреждала, просто вдруг приказала кучеру остановиться. У Элоизы почти не оставалось времени ее переубедить!

Едва лакей, призванный доложить об их приезде, скрылся наверху широкой лестницы, Элоиза повернулась к младшей кухне, которая уже бродила по холлу, разглядывая выставленные здесь *objets d'art*.

– Нам нельзя было сюда приезжать! – проговорила она взволнованным полусшепотом. – Это непростительная дерзость!

Леди Беатрис – настоящая принцесса в пастельно-голубом платье с кружевными оборками – оторвалась от созерцания алебастрового блюда и махнула затянутой в перчатку рукой:

– Элли, умоляю, обойдись без нравоучений! Мы уже здесь, и ничего ты с этим не сделаешь.

– Но это совершенно недопустимо – являться без приглашения к незнакомой даме, тем более к одной из столпов общества! Ты даже еще официально не закончила школу!

– Да хватит тебе! Через несколько недель у меня первый бал. – Беатрис перешла к зеркалу в позолоченной раме полюбоваться своим отражением. Сняла шляпку и положила на стол, поправила золотистые локоны. – Кстати, о балах: я намерена в первый же сезон найти себе самого блестящего жениха! И, надеюсь, леди Милфорд мне в этом поможет.

Упрямство и азарт в голубых глазах кухни обещали Элли одни неприятности. Взбалмошная Беатрис привыкла получать все, что захочет – а если что-то само не падало ей в руки, добивалась своего, не гнушаясь никакими средствами. С тех пор как Элли потеряла родителей и переехала к своему дядюшке, графу Пеннингтону, младшая кухня была для нее постоянной головной болью.

– Если дядюшка узнает о твоей выходке, то придет в ярость, – предупредила Элоиза. – Ты же знаешь, какой он ревнитель приличий! Тебе всего семнадцать, так что он запросто может решить отложить твой выход в свет до будущего года.

Беатрис звонко рассмеялась в ответ.

– Не говори глупостей! Папа не сможет долго на меня сердиться. К тому же сейчас он в «Уайте» и не вернется домой до вечера. – Ей наскучило спорить, и она перепорхнула к мраморному пьедесталу в углу. – Ты только посмотри, какая изящная китайская ваза! Право, у леди Милфорд в самом деле безупречный вкус!

Но Элли словно прилипла к одной из колонн зеленоватого мрамора у входа. Как хотелось ей бежать из этого дома, сесть в экипаж, ждущий на улице, и оставить Беатрис одну пожинать плоды собственного безрассудства! К несчастью, именно этого Элоиза сделать никак не могла. Ведь она отвечает перед лордом Бэзиллом за поведение его единственной дочери, рано лишившейся матери.

С годами Элли успешно вошла в роль гувернантки младшего кузена и кухни. Посвящая себя их воспитанию, а также работе по дому и мелким услугам бабушке, она не так остро ощущала, что живет у дядюшки из милости. И без того тяжело было сознавать, что графу пришлось выплачивать долги младшего брата, ее покойного отца. Так что Элли неустанно трудилась, стремясь хоть отчасти отплатить дядюшке за его доброту. Теперь, когда Седрик уехал в школу, на ней лежала лишь одна забота – благополучно вывести в свет Беатрис.

Однако явиться незваными к высокопоставленной леди Милфорд и просить ее о покровительстве – едва ли мудрое решение этой задачи. Одна ошибка, одно какое-нибудь бездумное замечание – и неосторожная девушка станет в свете изгоем. И вина за это, как догадывалась Элли, ляжет на ее плечи.

Хуже того: если выход в свет Беатрис придется отложить, это отложит еще на год исполнение мечты самой Элли. Ничто так ее не угнетало, как мысль о вечной зависимости от дядюшкиных щедрот. Ей было уже двадцать шесть – и всем сердцем она стремилась к независимости и к исполнению своих потаенных желаний.

На лестнице снова показался лакей. Низко поклонился Беатрис – а Элли, как обычно, словно не заметил.

– Ее милость готова вас принять. Будьте так любезны следовать за мной.

А она так надеялась, что леди Милфорд не окажется дома!

Со вздохом Элли присоединилась к небольшой процессии, поднимающейся вверх по лестнице. Слуга на нее даже не глядел, но к такому невниманию Элли давно привыкла. Скромное поношенное платье ясно обличало в ней женщину со скудными средствами. «Невидимость» вполне ее устраивала: пока никто не обращал на нее внимания, она была свободна подмечать любопытные словечки, жесты, выражения человеческих лиц и все это сохранять в памяти.

О том, как использовала Элли эти наблюдения, никто не знал – и будем надеяться, мысленно добавила она, узнают не скоро! О том, чем занималась по вечерам у себя в спальне, Элли никому не рассказывала. Придет время – и родные узнают ее секрет...

Но только после помолвки и свадьбы Беатрис.

На верхней ступени лестницы Элли приказала себе успокоиться. Кто знает, может быть, встреча окажется для Беатрис полезной! Ведь леди Милфорд в самом деле умеет устраивать браки знатных особ!

Элли постаралась припомнить все, что слышала об этой женщине. О леди Милфорд люди говорили с восхищением, даже с трепетом. Прославленная красавица, к советам которой прислушивается премьер-министр и даже королевская семья. Если верить слухам, в свое время она была любовницей одного из многочисленных сыновей безумного короля Георга.

Эта скандальная сплетня возбуждала любопытство Элли. Несмотря на сомнительное прошлое, эта женщина пользуется уважением в самых высших кругах. Как ей это удастся? Элли не знала, но ясно понимала одно: прошлая жизнь леди Милфорд куда увлекательнее ее собственной жизни в настоящем.

Пройдя по широкому коридору, они вошли в гостиную, декорированную в пастельных розово-золотистых тонах. Здесь, в позолоченном кресле у окна, сидела женщина. Лучи неяркого зимнего солнца играли на шелке ее платья оттенка старого кларета и в зачесанных кверху черных волосах.

Элли много слышала о красоте леди Милфорд, однако к увиденному слухи ее не подготовили. В стройной фигуре леди, в ее безмятежно-мраморном лице ощущалось что-то неподвластное времени. Как хотелось запечатлеть на бумаге эти аристократические черты!

Лакей объявил об их приходе, и леди Милфорд отложила книгу и поднялась на ноги. С мягкой кошачьей грацией двинулась навстречу гостям. На безупречных губах играла легкая улыбка, свидетельствующая скорее о хороших манерах, чем об искренней симпатии.

Элли понимала: леди Милфорд, должно быть, удивлена и гадает, для чего явились к ней эти две незнакомки. Очевидно, у нее достаточно воспитания и знания света, которого так не хватает Беатрис. Едва ли ее сумеет обвести вокруг пальца девчонка, едва вышедшая из стен школы!

Беатрис, которую, видимо, подобные сомнения не мучили, присела в изящном реверансе:

– Миледи, как я счастлива с вами познакомиться! Надеюсь, не слишком дерзко с нашей стороны было явиться к вам без приглашения?

– Признаюсь, вы меня заинтриговали, – промурлыкала леди Милфорд. – Садитесь же, прошу вас, вот сюда. День сегодня холодный, и прежде всего вам нужно согреться.

Она проводила их к мраморному камину, в котором весело пылал огонь. Беатрис устроилась посередине кушетки и предостерегающе сощурила глаза на Элли. Та знала этот взгляд. Он означал, что бедной родственнице следует сесть куда-нибудь в уголок – и помалкивать.

Бесцеремонность девушки разозлила Элли. Однако она понимала, что если начнет сейчас с ней спорить и проявлять власть – все испортит. Так что, поджав губы, Элли опустилась в кресло у стены, откуда могла наблюдать за происходящим, готовая немедленно вмешаться, если Беатрис ступит на опасную почву.

– Вы, должно быть, дочь Пеннингтона, – заметила леди Милфорд, садясь напротив Беатрис. – Эти рыжевато-золотистые волосы я везде узнаю. Красивая черта, должна вам сказать, и очень приметная.

При этих словах Элли ощутила укол зависти. Она тоже унаследовала знаменитые волосы Стратемов, но лишь отчасти: ее кудри были не золотистыми, а темно-рыжими, к тому же в сырую погоду принимались буйно виться. Когда была помоложе, Элли мечтала о золотых волосах, как у Беатрис, и о такой же безупречной белизне кожи – вместо своих несчастных веснушек!

– Надеюсь, это мне не повредит, – заметила Беатрис, поправляя и без того безупречный локон. – Не все джентльмены любят рыжих. А я, должна вам признаться, надеюсь найти себе жениха до того, как окончится первый сезон!

Элли мысленно застонала. Временами Беатрис страшно не хватает такта! Впрочем, по понимающему блеску в глазах леди Милфорд легко было догадаться, что она предполагала, что цель визита такова.

– Понимаю, – промурлыкала леди Милфорд. – Что ж, для молодой леди благородного происхождения и воспитания цель весьма достойная.

– Рада слышать, что вы со мной согласны, миледи, – ответила Беатрис, с видом ангельской кротости складывая руки на коленях. – В ближайшие недели мне предстоит страшная суета! Все эти примерки платьев, уроки танцев и хороших манер... И невольно спрашиваешь себя, к чему же приведут все эти усилия – к победе или к поражению... в отношении будущей помолвки, я имею в виду.

– Позвольте вас заверить, у столь очаровательных дебютанток недостатка в кавалерах не бывает. Уверена, множество джентльменов будут соперничать между собой за вашу руку и сердце.

Беатрис с притворной скромностью потупила взор:

– Ваша милость так добры ко мне! Но я слышала из самых достоверных источников, что в этом году ожидается множество дебютанток. Боюсь, я стану лишь одной из многих. Вот почему я пришла сюда и молю вас о содействии.

Леди Милфорд приподняла четко очерченную бровь:

– Что же, Пеннингтон, ваш батюшка, скупится на приданое? Может быть, мне с ним поговорить?

– Нет-нет, миледи, вовсе нет! Дело совсем не в этом! Откровенно говоря, я не хотела бы, чтобы он узнал о моем визите к вам...

Но в этот миг в комнату вошел лакей, толкая перед собой сервировочный столик с чайными приборами, и Беатрис умолкла. По крайней мере, ей хватило воспитания и здравого смысла придержать язык при слуге.

Леди Милфорд встала, поставила на стол чайник и три фарфоровые чашки и принялась разливать чай. Элли тоже поднялась и подошла к столу, чтобы хозяйке не пришлось подносить ей чай, а заодно и для того, чтобы разглядеть ее поближе.

Надо признать, вблизи леди Милфорд поражала еще более. Особенно привлекали внимание ее глаза – необычного сиреневого цвета, в окружении густых черных ресниц, с едва заметными морщинками в уголках. Ясно было, что леди немолода, однако аристократическое лицо с высокими скулами и безупречной кожей не позволяло определить возраст.

Вдруг она поняла, что леди Милфорд тоже ее разглядывает – что от ее внимательного взгляда не укрылось серое, плохо сидящее платье из грубой шерсти с длинными рукавами и высоким воротом. Элли гордо выпрямилась, не желая стыдиться своего наряда. Что с того, что рядом с разряженной Беатрис она выглядит сереньким воробушком? Нет ничего дурного в том, чтобы быть бедной родственницей!

– Вы тоже из Стратемов, – проговорила леди Милфорд, обращаясь к Элли. – Скажите, верно ли я предполагаю, что вы – дочь покойного брата графа?

– Верно. Мы с Беатрис кузины. – Заметив, что Беатрис поморщилась, Элли добавила: – Прошу меня извинить, миледи, – и вернулась к своему одинокому креслу у стены.

Лучше не позволять втянуть себя в беседу. Беатрис терпеть не может, когда в центре внимания оказывается кто-то другой – а Элли вовсе не улыбалось по дороге домой выслушивать ее упреки и жалобы.

Чашка горячего чая согрела ее замерзшие пальцы. Наслаждаясь ароматным напитком, Элли прислушивалась к разговору.

– Итак, – продолжала леди Милфорд, снова заняв место напротив Беатрис, – вы говорили мне, что надеетесь опередить других девиц на пути к алтарю. А я говорила, что беспокоиться вам не о чем: столь очаровательная девушка, разумеется, привлечет толпы искателей ее руки.

– Но мне совсем не нужны толпы! Вы позволите кое в чем вам признаться, миледи? – И, не дожидаясь позволения, Беатрис наклонилась к своей собеседнице и сообщила таинственным полусшепотом: – Есть один джентльмен, который меня особенно интересует! Быть может, вы его знаете. Это герцог Эйлуин.

Элли подавила возглас удивления. Она не знала, что кузина уже выбрала себе кандидата в мужья! В последние несколько месяцев Беатрис и ее бабушка часами листали страницы «Дебретта», перебирали видных холостяков, обсуждали родовитость и сплетни о состоянии каждого. Элли эти разговоры не занимали. Она давно научилась слушать вполуха, размышляя о своем – чаще всего о своей тайной мечте.

– Эйлуин? – с улыбкой переспросила леди Милфорд. – Как же, я знавала его покойного отца. Однако нынешний герцог не часто бывает в обществе. Он предпочитает одиночество и, должна вас предупредить, не выказывает ни малейшего желания обзавестись семьей.

– Об этом я слышала, – вздохнула Беатрис. – Его светлость днем и ночью сидит, запершись в своем Эйлуин-Хаусе, и перебирает древние реликвии, привезенные из Египта! Как же ему, должно быть, одиноко! Мне кажется, именно такому человеку особенно нужна жена, чтобы хоть было с кем словом перемолвиться!

Леди Милфорд с легкой усмешкой поднесла чашку к губам.

– Девушек часто тянет к таинственным одиноким джентльменам. Романтической девицей натуре кажется, что такой человек должен страдать без любви. Но реальность редко отвечает нашим грезам. Что до Эйлуина, то он на двадцать лет старше вас, он серьезный ученый, и все эти глупости его вовсе не интересуют. Советую вам поискать себе кого-нибудь ближе к вам по возрасту.

– Возможно, вы правы, миледи. Но как я могу сказать точно, если ни разу даже не встречалась с герцогом? – Беатрис очаровательно надула нижнюю губку; так она делала всегда, когда хотела что-нибудь выпросить у отца. – Неужели мне придется всю оставшуюся жизнь провести

в сомнениях: вдруг я – та единственная, которую герцог Эйлуин мог бы полюбить? Неужто вы ничем не сможете мне помочь?

Леди Милфорд покачала головой.

– Боюсь, что нет, – ласково, но твердо ответила она. – С герцогом Эйлуином я едва знакома. Между нами нет таких отношений, которые позволили бы мне в чем-либо его убедить.

– Но что, если... если бы вы устроили один из ваших знаменитых приемов? Все только и мечтают получить сюда приглашение! Допустим, вы устраиваете прием, приглашаете нас обоих – и у меня появляется хотя бы один шанс его очаровать! – Беатрис просительно сложила руки. – Умоляю вас, миледи, не отказывайте в моей просьбе! Пожалуйста! Вы моя единственная надежда!

Для Элли это стало последней каплей. До сих пор Беатрис вела себя бесцеремонно, но сейчас перешла от бестактности к откровенному бесстыдству! Что подумает леди Милфорд о таком ее поведении?

Элли поставила чашку на стол и решительно подошла к кушетке.

– Беатрис, мы уже долго докучаем ее милости. Думаю, нам пора домой.

Кузина бросила на нее недовольный взгляд.

– Вот еще! Мы с леди Милфорд так мило беседуем!

Элли повернулась к хозяйке дома.

– Прошу вашу милость принять наши искреннейшие извинения. Но у нас еще есть дела в городе, и, если мы не поторопимся, боюсь, не успеем переодеться к ужину.

– Дела? – Беатрис сморщила хорошенький носик, однако позволила Элли поднять себя на ноги. – Какие дела, о чем ты?

– Объясню в экипаже. А теперь нам пора, так что будь добра, попрощайся с ее милостью.

Беатрис неохотно повиновалась – а Элли снова заметила, что леди Милфорд смотрит не столько на кузину, сколько на нее. Разглядывает внимательно и задумчиво, сдвинув тонкие брови, словно видит в ней нечто занимательное и достойное размышления.

Элли покраснела при мысли, что, возможно, в недостойном поведении Беатрис хозяйка винит ее. В конце концов, это она, как гувернантка, должна была научить кузину вести себя в обществе!

– Мисс Стратем, – промурлыкала наконец леди Милфорд, обращаясь к Элли, – если вы отложите свой отъезд на несколько минут, пожалуй, я смогу поделиться с вами кое-чем полезным. Пожалуйста, подождите здесь.

С этими словами она выскользнула из гостиной. Элли проводила ее изумленным взглядом. «Кое-что полезное»? О чем это она?

Перед ней, шелестя юбками, выросла Беатрис и грозно уперла руки в бока. Хорошенькое личико, обрамленное золотистыми локонами, искажил гнев.

– Ну почему ты всегда все портишь? Я уже почти уговорила леди Милфорд мне помочь, а теперь... вместо этого она решила что-то дать тебе!

– Учебник хороших манер, скорее всего, – ответила Элли. – Думаю, она пришла к выводу, что я пренебрегаю твоим воспитанием.

Чем больше она об этом думала, тем это казалось вероятнее. Как же унижительно, когда чужие люди, глядя на тебя, думают, что ты не справляешься со своими обязанностями! Но что еще могла подумать их любезная хозяйка? Так что Элли приготовилась проглотить унижение и с благодарностью принять непрощенный подарок.

– Хочешь сказать, я плохо себя веду? – надула губки Беатрис.

– Что ж, давай посмотрим. – И Элли принялась загибать пальцы. – Для начала ты явилась к леди Милфорд без приглашения, не будучи даже ей представлена. Предположила, что она просто из доброты душевной начнет помогать тебе ловить жениха. Потребовала, чтобы ради

тебя она потратила время и деньги на устройство приема. И этого мало: начала диктовать ей, кого приглашать к себе домой!

– А по-моему, отличный план! – отрезала Беатрис. – Как еще, скажи на милость, мне удастся стать герцогиней? Других холостых герцогов в Лондоне сейчас нет!

– Значит, обрати внимание на маркизов и графов. И потом, может быть, стоит больше думать о характере будущего мужа, чем о его титуле? За кого бы ты ни решила выйти замуж, с этим человеком ты будешь связана до конца жизни.

– О, хватит нравоучений! Для старой девы без средств и без надежд, может быть, титул ничего не значит, но я намерена выйти замуж так, чтобы весь свет умер от зависти!

«Старая дева без средств и без надежд». Это мимоходом брошенное уничижительное определение откликнулось у Элли в груди тупой болью. Странно – ведь с ребяческими мечтами о любви и браке она давно уже распрощалась. Слишком рано Элли пришлось познать жестокую истину: очень немногие джентльмены готовы связать свою судьбу с сиротой без гроша в кармане. Так что она оставила пустые мечтания и всю себя посвятила тому, чтобы своим трудом и готовностью услужить хотя бы отчасти возместить родным долги ее покойного отца.

И все же она не собиралась вечно оставаться в рабстве. Втайне от всех Элли разработала смелый, предприимчивый план, который поможет ей завоевать собственное место в мире. Скоро, очень скоро она не будет зависеть ни от одной живой души...

Леди Милфорд, вошедшая в гостиную, прервала ее размышления. В руках хозяйка дома держала изящный чехол синего бархата. Подойдя ближе, леди достала из него какой-то предмет, ярко блеснувший в сочащихся через окно лучах тусклого зимнего солнца.

Элли недоуменно заморгала. Туфля? Да, леди Милфорд держала в руках изящную туфельку на каблуке, из темно-красного сатина, расшитую крошечными кусочками хрусталя, с пряжкой филигранной работы.

Достав вторую туфельку, леди Милфорд протянула обе своей гостье.

– Эти туфли я очень любила в молодые годы, – объяснила она. – Мне кажется, мисс Стратем, вам они подойдут.

Элли машинально взяла туфли. Она ожидала получить руководство по этикету – и теперь была безмерно озадачена. Никогда в жизни не держала она в руках ничего столь же прекрасного... и вызывающе непрактичного.

– Миледи, вы очень добры, но... куда же я буду их носить? Для гувернантки они слишком изящны!

– Вы ведь будете сопровождать свою кузину на балах и приемах, не так ли? Разумеется, для танцев вам понадобятся туфли.

– Для большинства дам это верно, – ответила Элли. – Но, боюсь, мои платья слишком просты, и у меня в гардеробе совсем нет нарядов, которые...

– Элли должна за мной присматривать, так что танцевать она не будет, – отрезала Беатрис, устремив жадный взгляд на чудесные туфельки. – И потом, у меня ноги изящнее, чем у нее. А значит, миледи, один размер с вами скорее будет не у нее, а у меня!

Губы леди Милфорд изогнулись в загадочной улыбке.

– Правда? Что ж, тогда присядьте, и давайте проверим, кому они подойдут!

Глава 3

Покидая особняк леди Милфорд, Элли спрятала под свой унылый серый плащ синий бархатный чехол. В нем покоился подарок леди – самые прекрасные на свете туфельки. Беатрис они оказались безнадежно малы: так жали в носках, что, попытавшись встать, она вскрикнула от боли и тут же их сбросила.

Элли поначалу отказалась примерять туфли. Но леди Милфорд настояла на своем – и, не иначе как чудом, оказалось, что ей туфельки подходят идеально! Элли не могла взять в толк, почему. По росту и телосложению они с кухиной походили друг на друга, но она была уверена, что обувь носит на полный размер больше.

Но недоумение быстро сменилось чистосердечной радостью, когда Элли прижала драгоценный подарок к груди. Едва скользнув ногами в чулках в мягкие сатиновые носы туфель, она ощутила, как охватывает ее бурная, пьянящая радость. Как будто рассеялись все горести и заботы! Элли даже готова была носить туфли дома, хоть и понимала, что это в высшей степени непрактично.

И теперь, хоть она и убрала ради сохранности туфли в футляр, ее затянутые в перчатки пальцы то и дело ощупывали сквозь бархат их очертания, пробегали по хрустальным бусинам, словно Элли боялась, что сказочные туфельки вдруг исчезнут. Таких прекрасных вещей не бывало у нее уже очень давно – с тех пор, как умер папа. При жизни он осыпал ее подарками, но после его смерти все их пришлось продать, чтобы помочь дядюшке расплатиться с кредиторами.

Впрочем, сейчас Элли не хотела об этом вспоминать. Как не хотела и обращать внимание на угрюмую мину Беатрис. Завернувшись в ярко-голубую мантилью, сунув руки в горностаевую муфту, с гордо поднятой головой кузина прошагала мимо нее к черному экипажу с золотым крестом Пеннингтонов на дверце.

Такая угрюмость предвещала беду. Без сомнения, по дороге домой Элли придется выслушать немало неприятного. И все же ни на минуту она не верила, что дурное настроение кузины связано с парой бальных туфелек. В конце концов, дома у нее модных и дорогих туфель целый шкаф!

Нет, Беатрис злилась на весь мир от того, что не преуспела в своем замысле. Всю жизнь ее баловали, окружающие наперебой исполняли все ее желания, и девушка не сомневалась: леди Милфорд тоже пойдет ей навстречу – просто потому, что Беатрис очень просит. Но вышло не так. Теперь Беатрис нужно было утешать и отвлекать; но заниматься этим Элли совсем не хотелось.

Лакей в ливрее цвета весенней листвы распахнул дверь экипажа. Но Беатрис не села внутрь. Вместо этого она вдруг остановилась так резко, что Элли едва не уткнулась носом ей в спину.

Беатрис устремила взгляд на мощенную булыжником мостовую, где виднелись несколько всадников, экипажей и повозок. Словно по мановению волшебной палочки, обиженная гримаса у нее на лице преобразилась в кокетливую улыбку.

– О, отлично! – И Беатрис бросилась вперед, обдав Элли сладким ароматом розовой воды и бросив на прощание: – А ты стой здесь, иначе все испортишь!

Повернувшись в ту же сторону, Элли обнаружила, что к ним приближается джентльмен верхом на прекрасной гнедой кобыле. В синем двубортном сюртуке и с белым шейным платком, он выглядел словно картинка из модного журнала. Когда он подъехал ближе, Элли его узнала. Эти белокурые волосы и красивое мальчишеское лицо принадлежали сыну одного из знакомых графа Пеннингтона.

Джентльмен натянул поводья и снял свой черный цилиндр.

– Богом клянусь, это же леди Беатрис Стратем! Что за приятный сюрприз в такой холодный зимний день!

Беатрис так и просияла в ответ:

– Здравствуйте, лорд Роланд! Вы тоже наносите визиты?

– Совершенно верно. Скучнейшее занятие... было, пока не явились вы, словно ангел, слетевший ко мне с небес.

Беатрис по-девчачьи захихикала в ответ. Пока эти двое обменивались любезностями, Элли стояла у распахнутой двери экипажа. Холодный ветер кусал ее за щеки, мороз ледяными пальцами пробирался под плащ. Ничего ей так не хотелось, как сесть наконец в экипаж и укутать ноги шерстяным одеялом.

К сожалению, долг требовал от нее присматривать за кухней. Леди Беатрис еще даже не вышла в свет, и совершенно недопустимо, чтобы кто-нибудь увидел, как она кокетничает с джентльменом на публике!

Но несколько минут никому не повредят, тем более, что эта неожиданная встреча, как видно, изменила настроение Беатрис к лучшему. Если повезет, может быть, она даже передумает гоняться за немолодым герцогом. Лорд Роланд, младший сын маркиза, всего на три года ее старше и куда больше подходит ей в качестве мужа.

Рассеянно глядя на эту пару, Элли задумалась о своем скудном гардеробе. Может быть, купить отрез ткани и сшить себе новый бальный наряд? Такое приобретение потребует запустить руку в ее драгоценные накопления; но все же Элли не могла и подумать о том, чтобы надеть эти туфли со старым, поношенным, давно вышедшим из моды платьем.

Жаль, леди Милфорд не подумала о том, как непрактичен ее дар.

На миг Элли задумалась, разумно ли было с ее стороны принять подарок от едва знакомой дамы? Раньше ношенные вещи, даже от родных, всегда неприятно задевали ее гордость. Неужели искушение надеть эти чудесные туфельки оказалось сильнее? Или, быть может, ее привлекло то, что в манере обращения леди Милфорд совсем не ощущалось снисходительности – только искреннее желание быть полезной. Элли почувствовала, что было бы неучтиво с ее стороны отвергать такую доброту.

Порыв ветра донес до нее звонкий смех Беатрис. Девушка оживленно что-то рассказывала, а лорд Роланд наклонился к ней с седла, словно ловя каждое ее слово. По счастью, народу на улице в этот холодный день было немного, и все из низших слоев – слуги и рабочие, что торопливо шли мимо, втянув головы в плечи и кутаясь в свои одежонки, плохо защищающие от холода. Никого значительного.

И вдруг Элли заметила незнакомца, который сидел в открытом фаэтоне возле одного из соседних домов.

Пара великолепных серых жеребцов, запряженных в фаэтон, нетерпеливо переступали копытами и выдыхали в морозный воздух облачка пара. Но незнакомец легко удерживал вожжи одной затянутой в перчатку рукой. Одет он был во все черное: от низко надвинутой на лоб шляпы с опущенными полями, из-под которой виднелись темные волосы, до длинного черного плаща, придававшего ему мрачное сходство с хищником в засаде. Нижнюю часть лица незнакомец прикрывал шарфом. На миг у Элли возникло странное ощущение, что он стремится не столько спастись от холода, сколько скрыть лицо.

И человек этот неотрывно смотрел на ее кухню.

По спине у Элли побежали мурашки, но она отнесла внезапную дрожь на счет дурной погоды. Должно быть, этот человек просто ждет кого-то по соседству. А на Беатрис глаза из любопытства, и только.

И все же Элли решила, что кухня уже слишком долго болтает с лордом Роландом. Мало ли кто может смотреть на них из соседних окон! Свет жесток: достаточно одной сплетни, чтобы навсегда ослабить девушку неисправимой ветреницей и погубить ее репутацию.

По счастью, в этот момент лорд Роланд надвинул шляпу и пожелал Беатрис доброго дня. Он поехал своей дорогой, а Беатрис, порозовевшая от удовольствия, вприпрыжку подбежала к экипажу. Они с Элли сели в карету и покатали по улицам Мейфэра: по дороге Беатрис возносила нескончаемые хвалы прекрасным манерам лорда Роланда и хвасталась тем, что он просил ее непременно оставить за ним танец на ее первом балу.

Элли расслабилась, слушая болтовню кухни и изредка вставляя реплику-другую. Как же легкомысленна Беатрис, как легко ее отвлечь и заинтересовать! Быть может, леди Милфорд права: едва за ней начнут ухаживать джентльмены ее возраста, Беатрис оставит планы женить на себе отшельника-герцога.

Как бишь сказала леди Милфорд? «Девушек часто тянет к таинственным одиноким джентльменам. Романтической девичьей натуре кажется, что такой человек должен страдать без любви...»

К тому времени, как экипаж остановился у Пеннингтон-Хауса на Гановер-сквер, Элоиза сказала себе, что участь старой девы без средств и без надежд вполне ее устраивает. Что может быть скучнее и неприятнее, чем кокетничать с дюжиной джентльменов, стараясь заполучить кого-нибудь из них себе в мужья? Ну нет, ее планы на будущее определенно лучше!

Привратник открыл им ворота. Беатрис выскочила первой, при этом полы ее голубой мантильи высоко взметнулись, добежала почти до дверей и вдруг резко повернулась:

– Ох, я забыла муфту! Элли, будь душечкой, сходи за ней, хорошо?

Белая горностаевая муфта в самом деле валялась на полу в карете. Элли подняла ее, с удовольствием погладив густой пушистый мех... и в этот миг какое-то движение за окном кареты, с другой стороны, привлекло ее внимание. По улице мимо медленно проезжал экипаж. Открытый фаэтон, и на козлах – джентльмен, облаченный в черное.

Элли смотрела на него во все глаза. Разглядеть почти ничего не удавалось – опущенные поля шляпы скрывали верхнюю часть лица, а черный шарф нижнюю – и все же она не могла отделаться от ощущения, что эти суровые, словно высеченные из камня черты где-то уже встречала. Проезжая мимо их ворот, незнакомец повернул голову и проводил Беатрис, входящую в дом, странно пристальным взглядом.

Элли вдруг поняла: это тот же человек, которого видела она у дома леди Милфорд. И здесь, как и там, он следит за ее кухней.

Следила за ними и сама леди Милфорд.

Едва распрощавшись с гостями, Кларисса перешла в соседний кабинет, окна которого выходили на улицу перед особняком. Спрятавшись за кружевной шторой, она видела, как леди Беатрис в своей ярко-голубой мантилье откровенно заигрывает с лордом Роландом.

Однако выходки этой пустой и избалованной девицы Клариссу не занимали. Ее волновала другая: бедно одетая девушка, что, всеми забытая, стояла сейчас у экипажа.

Как мерзко со стороны Пеннингтона не позаботиться о том, чтобы достойно вывести в свет собственную племянницу! Мисс Стратем – осиротевшая дочь его младшего брата; однако у нее, очевидно, не было первого бала, нет приданого, а значит, и возможности найти достойного мужа. Похоже, вместо этого с ней обращаются как со служанкой!

Несправедливость болью отдалась в сердце леди Милфорд. Вспомнились дни юности, когда сама она, тогда простушка по имени Кларисса Рен, жила из милости на попечении овдовевшей мачехи и двух сводных сестер в сельском поместье в йоркширской глуши. Хорошенько заплатив адвокатам, мачеха добилась того, что первый брак ее отца был признан недействительным, а сама Кларисса, соответственно, незаконнорожденной. Завладев состоянием ее отца, прищельцы принялись тратить его по своему усмотрению – на наряды и дорогие украшения, а Клариссу заставили ходить в обносках. Ей приходилось готовить, мыть, стирать, убирать и

выполнять еще сотню домашних дел. И вот однажды, в миг самого черного отчаяния, когда, сидя на кухне у очага, она горько рыдала по своему любимому папе, раздался стук в дверь.

На пороге стояла старая цыганка и просила хлеба. Боясь гнева мачехи, Кларисса едва не отослала бродяжку ни с чем. Однако ей стало жаль женщину, и она разделила со старухой свой скудный ужин. В благодарность цыганка вручила ей пару туфельек из винно-красного сатина и сделала туманное предсказание: туфельки эти, мол, помогут ей найти истинную любовь...

С легкой улыбкой Кларисса вспоминала о том, сколь долгим оказалось для нее путешествие к истинной любви. Сперва пришлось переехать в Лондон, выйти замуж за стареющего графа Милфорда, получить его имя и положение в обществе. Но только когда Кларисса стала вдовой, предсказание старой цыганки наконец исполнилось. Встретив одного из королевских сыновей, она полюбила его больше жизни. Обстоятельства не позволяли им сочетаться браком; однако со своим дорогим принцем Фредериком Кларисса провела много, много счастливых лет. А когда он скончался – нашла утешение в том, чтобы помогать достойным молодым женщинам обрести шанс на счастье.

Вот и сейчас она вручила свои туфельки мисс Элоизе Стратем, всем сердцем ощутив, что эта девушка отчаянно нуждается в любви. Однако никогда прежде Кларисса не ссужала туфельки, сперва не выбрав подходящего жениха для этой невесты...

В этот самый миг она заметила, что неподалеку от экипажа Стратемов остановился открытый фаэтон. Ее внимание привлекли кони, нетерпеливо бьющие копытами – и то, с каким искусством возница удерживал их на месте.

Этот человек, с ног до головы одетый в черное, по виду казался джентльменом. Однако странно: с чего бы ему останавливаться у ворот пустого особняка, хозяева которого на зиму уехали к себе в поместье?

А еще более странно то, что он не сводит глаз с леди Беатрис. Кто же он?

Помахав на прощание лорду Роланду, девушка побежала к экипажу, где ждала ее мисс Стратем. Обе женщины сели в карету, и кучер тронулся с места. В тот же миг и возница фаэтона отпустил вожжи и двинулся за ними.

Повинуясь внезапному порыву, Кларисса отдернула кружевную штору и громко забарабанила по оконной раме. Незнакомец поднял голову. Она быстро отступила от окна в тень, однако в то мгновение, что он смотрел на нее, успела разглядеть его лицо – суровое лицо с резкими чертами и глазами необычного серо-зеленого цвета.

Пораженная, она застыла на месте. Боже правый, этому-то человеку что за дело до леди Беатрис? Может быть, просто совпадение?

Некоторое время Кларисса стояла посреди комнаты, размышляя, взвешивая, припоминая. Затем подошла к камину и дернула шнурок звонка.

Через несколько минут в кабинет вошел статный седовласый дворецкий. Молча поклонился, ожидая приказаний. Это всегда нравилось ей в Харгроуве: слов он даром не терял. Другой его добродетелью было энциклопедическое знание лондонского света.

– Вы знаете человека по имени Демиан Берк? – спросила она.

Харгроув немного подумал.

– Знаю, миледи. Семь лет назад мистер Берк был изгнан из общества после скандала: он соблазнил порядочную девушку и принужден был на ней жениться. Сейчас управляет игорным заведением под названием «Логово Демона».

– Я только что видела, как он следил за экипажем леди Беатрис Стратем. Пожалуйста, выясните все, что сможете, о его нынешних делах. Происходит что-то загадочное, и мне хотелось бы знать, что именно.

– Будет исполнено, мадам.

И, снова поклонившись, дворецкий вышел из кабинета. Кларисса знала, что других инструкций ему не требуется: у Харгроува имеется сеть доверенных шпионов, способных

выяснить что угодно, при этом никому не попавшись на глаза и не вызвав подозрений. Теперь остается только ждать – и продолжать хранить тайну, которую хранит она уже почти тридцать лет.

Глава 4

– Знаешь, папа, я тут подумала... – начала Беатрис за ужином, ковыряя вилкой в горке зеленого горошка на тарелке. – Всего через несколько недель у меня первый бал. Самый важный вечер в жизни! Но боюсь, как бы мой первый выход в свет не оказался несколько... тривиальным.

Лорд Пеннингтон поднял глаза от бифштекса. Одутловатое багровое лицо, обрамленное седеющими рыжими волосами, покраснелось еще сильнее, заметно выступили вены на висках. Дядюшка, грузный и неповоротливый, всегда напоминал Элоизе портрет Генриха Восьмого, который она как-то видела в музее.

– Тривиальным, говоришь? – переспросил граф. – Уверю тебя, дочь моя, счета за это мероприятие всех нас загонят в рабочий дом!

– О, папа, не сердись! Я просто имею в виду, что в нашем балу не будет ничего особенного. Ну, знаешь, такого, что отличало бы наш прием от всех остальных.

Внешность Беатрис – молочно-белая кожа, нежное личико и огромные голубые глаза – напоминала ангела, однако голос звучал сейчас совсем не по-ангельски. Прочие члены семьи, сидевшие за столом, с интересом прислушивались к разговору.

Напротив Беатрис развалился в кресле старший кузен Элли, Уолт, виконт Гривз: светлогриезные глаза его блестели от выпитого за ужином. Напротив Элли сидела леди Анна, тихая и робкая сестра покойной графини. Место на другом конце стола, покрытого белоснежной льняной скатертью, занимала необъятная фигура графини-матери, бабушки Элли и ее кузенов.

– Милая моя Беатрис, ну что ты такое говоришь! – укоризненно прогудела старая графиня. – Не могу вообразить, чего бы тебе недоставало? Твой отец ничего для тебя не жалеет. У тебя будут и розы из теплиц, и французский повар, и лучшее шампанское...

Беатрис в притворной скромности опустила глаза.

– Знаю, бабушка. Я вам так благодарна! Но шампанское и розы бывают у всех дебютанток. Как вы не понимаете? У меня не будет ничего особенного! Чем же я привлеку внимание, если не буду выделяться из толпы?

Уолт поднял бокал вина, насмешливо салютуя сестре.

– Ладно, Беа, договорились: внесем тебя в бальный зал на позолоченном троне. Вот о таком точно все заговорят!

– Не говори глупостей! – сморщила носик Беатрис. – Ты просто завидуешь, потому что в твою честь папа никогда не устраивал приемов.

– А джентльменам не нужно, чтобы их выставляли напоказ, словно лошадей на ярмарке в Таттерсолзе. Это мы выбираем, на какой кобыле ехать, а не наоборот.

– Как ты смеешь сравнивать меня с лошадью?! Папа, скажи Уолту, чтобы не грубил!

Лорд Пеннингтон, с наполненным бифштексом ртом, промычал в сторону старшего сына что-то неодобрительное.

Графиня постучала вилкой по тарелке.

– Хватит! Прекратите оба! Препираетесь, как дети! А ты, Уолтер, сядь прямо. – Уолт неохотно повиновался, а бабушка сурово обратилась к Беатрис: – Будь так любезна, скажи прямо, чего ты от нас хочешь для своего бала.

– Бабушка, я подумала об оформлении в каком-нибудь экзотическом стиле! Вот, например... что бы ты сказала о египетской тематике?

– Египетской? – вырвалось у Элли.

Вспомнив герцога-отшельника и его занятия Древним Египтом, она заподозрила, что за очередным капризом Беатрис стоит расчет.

Беатрис бросила на нее быстрый косой взгляд.

– Ну да, знаете, пальмовые ветви, пирамиды и все такое. Я изучу эту тему и решу, как именно украсить зал.

– Ты – и изучишь тему? – Уолт махнул лакею, чтобы тот подлил ему еще бургундского. – Сестренка, неужели ты еще помнишь, где у нас библиотека?

– На самом деле я предпочла бы найти специалиста, человека, который разбирается в древнеегипетском искусстве, и поговорить с ним, – скромно опустив глазки, сообщила Беатрис. – Может быть, в Британском музее найдется какой-нибудь ученый, который будет рад дать мне совет. Уверена, Элли не откажется меня сопровождать.

Элли сильно подозревала, что ее кузина собирается вовсе не в музей. Скорее всего, Беатрис надеется тем же манером, каким уже напросилась к леди Милфорд, попасть в дом герцога Эйлуина.

– Приставать с расспросами к незнакомым мужчинам неприемлемо для леди, – твердо ответила Элли. – Я куплю или возьму в библиотеке книгу о Древнем Египте, и ты сможешь черпать вдохновение оттуда.

– Нет, нет! – быстро возразила Беатрис. – Разговор с живым человеком даст мне гораздо больше, чем копание в пыльных страницах!

– Дорогая, здесь я вынуждена тебе отказать, – проговорила бабушка. – На этот раз Элоиза права. Юная леди не должна общаться с незнакомцами. Бэзил, скажи ей, что хватит с нее и книги.

Граф шумно заворочался в своем кресле.

– Гхм... вы совершенно правы, матушка, и уверен, Беатрис не станет с вами спорить. – Беатрис надула губы, и багровая физиономия его немедленно смягчилась: – Ну-ну, душенька моя, не дуйся! Для меня главное, чтобы ты была счастлива, а бальный зал мы обставим, как пожелаешь! Хотя бы и этой египетской ерундой.

– Спасибо, папа! – солнечно улыбнулась Беатрис, однако украдкой метнула на Элли злобный взгляд. Затем аккуратно промокнула губы льняной салфеткой и добавила: – Кстати, об общении с незнакомцами: сегодня мы с Элли были у леди Милфорд!

Это известие произвело за столом небольшую сенсацию. Граф уронил вилку, Уолт вздернул рыжеватую бровь, леди Анна громко ахнула. Наступила тишина, прерываемая лишь позвякиванием фарфора: лакеи убрали со стола, готовясь подавать десерт.

– Леди Милфорд? – повторила старая графиня, нахмурившись, от чего на лице ее обозначились новые морщины. – Но, дорогая моя, ты ведь ей не представлена! Для юной девицы, еще не окончившей школу, являться к столь высокопоставленной особе без знакомства и без приглашения – непростительная дерзость!

– Правда? А Элли сказала, что это будет разумно. Ведь леди Милфорд пользуется в обществе большим влиянием. Ее одобрение очень поспособствует успеху моего дебюта.

Все взгляды обратились на Элли, и она ощутила, как шею и щеки заливают краска. Лицо ее пылало. Ясно было, что спорить и доказывать свою невиновность бесполезно: разумеется, родные поверят кухне, а не ей.

Какая же бессовестная маленькая лгунья эта Беатрис!

– Надеюсь, у тебя найдется объяснение этому безответственному поступку, – заговорила графиня. – Поощрять Беатрис навязываться такой влиятельной даме! Молю Бога, чтобы это не нанесло нам непоправимого вреда.

– Уверю вас, ничего страшного не произошло, – поспешила заверить Элли. – На самом деле ее милость была чрезвычайно добра и любезна...

– Да, она даже сделала Элли подарок! – вставила Беатрис. – Отдала пару своих старых, поношенных туфель. Дорогая кузина с такой радостью их приняла!

Под столом Элли судорожно вцепилась в свою серую саржевую юбку. Как хотелось ей ударить Беатрис, стереть с ее губ эту невинную улыбочку! А еще больше – забиться под стол

или провалиться сквозь землю. Только бы не видеть ни возмущения на лицах дяди и бабушки, ни насмешливой улыбки Уолта.

Графиня запыхтела от негодования.

– Ты приняла подачку от леди Милфорд? Боже правый! Что она теперь о нас подумает?!

– Возмутительно, просто возмутительно! – поддержал граф, красный, как помидор. Наклонившись вперед, он взглядом пригвоздил Элли к месту. – Стратемы – не нищие! Ты даже не подумала, как это отразится на твоей семье? И это после того, как я расплатился с огромными долгами твоего отца, принял тебя под свой кров и позволил жить за мой счет!

Элли стиснула зубы. Не время сейчас напоминать, что своим трудом на благо семейства Стратемов она с лихвой оплачивает и кров, и стол.

– Прошу прощения, дядюшка. Больше это не повторится.

– Я уверена, Элли не хотела ничего дурного! – послышался с другой стороны стола дрожащий голос леди Анны. – Отказаться от подарка было бы грубо с ее стороны.

Элли послала ей быструю благодарную улыбку. Леди Анна не была ей кровной родственницей, однако иногда эта хрупкая женщина казалась единственной ее союзницей в этом доме. Она одна дарила Элли немного денег на день рождения, она одна благодарила за услуги. Единственная не относилась к ней, как к ничтожеству.

При этих словах граф обратил свой гнев на невестку.

– Анна, это не пустяк! Моя племянница должна принимать помощь только от меня! Иначе, чего доброго, пойдут слухи, что я скупец и держу ее в черном теле!

Леди Анна покраснела и поспешно опустила взгляд на пирожное с малиной, которое поставил перед ней лакей.

Забавно, подумала Элли, как боится дядюшка, что кто-нибудь скажет о нем правду!

– Леди Милфорд не станет сплетничать, – возразила она, стремясь отвести грозу от леди Анны. – Уверяю вас, она подарила мне туфли только для того, чтобы я могла сопровождать Беатрис на различных светских мероприятиях.

Тут Беатрис, которая явно наслаждалась этой перебранкой, вставила:

– Кстати, совсем забыла! Нельзя позволять нашей дорогой Элли выходить в свет в этих ужасных обносках! Я бы подарила ей какое-нибудь из своих платьев, но, боюсь, для женщины ее возраста они уже слишком легкомысленны. Бабушка, может быть, у тебя найдется что-нибудь подходящее?

– Какая же ты у меня добрая девочка – не забываешь о кухне! – Графиня одарила Беатрис ласковой улыбкой, а затем, уже без всякой ласки, обратилась к Элли: – Элоиза, ты недурно шьешь. Можешь перешить для себя какое-нибудь из моих старых платьев.

Сейчас массивная фигура старой графини была облачена в бесформенный мешок ядовито-оранжевого цвета. Элли знала, что в гардеробе у нее хранится еще множество таких же, расцветками один другого страшнее. Невозможно было и подумать о том, чтобы надеть это бесформенное кричащее уродство на себя!

– Это не обязательно, – быстро ответила она. – Уверена, я смогу купить себе отрез-другой и сшить пару платьев.

– Вот еще! На хорошую материю тебе не хватит денег. Мало того, что ты принимаешь подачки от леди Милфорд, так и еще и собираешься позорить нас своим видом, выходя в свет в каком-то тряпье?

«Если вы с дядюшкой не хотите, чтобы я позорила вас своим видом, почему просто не купите мне пару платьев?» – думала Элли.

Но понимала: вслух об этом лучше не спрашивать. Это установлено раз и навсегда, много лет назад: покойный отец Элли залез в такие долги и так разорил своего брата, что ей ни на какие дополнительные расходы со стороны дядюшки рассчитывать не стоит. Ничего. Скоро,

совсем скоро она уберется из этого дома! А пока, если нужно, будет ходить хоть в мешке из-под муки!

– Спасибо вам, бабушка. Вы так добры ко мне.

Старая графиня вздернула бровь, от чего все морщины и складки у нее на лице пришли в движение.

– Надеюсь, Элоиза, это искренняя благодарность. Не хотелось бы, чтобы ты оказалась паршивой овцой, как твой отец.

Элли почувствовала, что ее трясет от гнева. В свой собственный адрес она готова была терпеть любые упреки и унижения – но не выносила, когда задевали отца.

– Быть может, у папы были свои грехи, но он очень любил меня. Я не пожелала бы себе лучшего отца!

– Нечего воображать его святым! – проворчала графиня. – Тео был порочен до мозга костей. Бросал тебя одну и уходил играть в карты, иной раз на целые дни! Разве хорошие отцы так поступают?

– Я никогда не оставалась одна, – возразила Элли. – Со мной всегда был кто-то из слуг. И без папы я не скучала.

Мать Элли умерла, когда ей было всего шесть лет, так что с детства она приучилась заниматься себя самостоятельно. А занятий было множество: книги, альбомы для рисования, воображаемые миры, куда можно уноситься фантазией на целый день...

– Знаете, – протянул Уолт, – может быть, не стоит нам нападать на иллюзии Элли. В конце концов, от них никому нет вреда.

Элли обернулась, чтобы взглянуть на кузена. Он, с недопитым бокалом в руке, смотрел на нее пристальным взглядом, от которого у Элли по коже поползли мурашки. Рядом с Уолтом она временами чувствовала себя очень неудобно, особенно когда он бывал пьян и как-то уж слишком дружелюбен. Не раз случалось, что он ловил ее где-нибудь в темном коридоре или на верхней лестничной площадке, заводил разговор ни о чем, а сам все старался взять ее за руку, погладить по плечу или приобнять за талию.

Почему сейчас он заступает за нее? По доброте душевной – или в надежде, что она не станет противиться его домогательствам? От этой мысли к горлу подступила тошнота.

– Нет вреда? – возмущенно повторил лорд Пеннингтон. – Мой брат промотал свое наследство за игорным столом! И нечего притворяться, что этого не было! Он – позор нашего семейства! Ни я, ни ты, Уолт, никогда не поступили бы так безответственно. Порядочные Стратемы не переступают порога игорных домов!

При этой тираде улыбка Уолта застыла. Он бросил на отца быстрый косой взгляд, а затем мрачно уткнулся в свой бокал. Такая реакция привлекла внимание Элли и заставила задуматься. Быть может, Уолт втайне от отца грешит игрой в карты или в кости?

Если так, то ничего удивительного. Как многие молодые джентльмены, которым решительно нечем заняться, почти все свое время Уолт проводил в клубах и различных увеселительных заведениях. А в таких местах всегда много соблазнов...

Но, кажется, кроме нее, никто этого не заметил. Беатрис перевела разговор на другую тему – засыпала отца вопросами о том, как сразу узнать игрока, чтобы ни в коем случае не поощрять его ухаживания. На время десерта общая беседа перешла на возможных женихов Беатрис и ее будущую семейную жизнь, и Элли вздохнула с облегчением.

К своему пирожному она почти не притронулась. Бывали дни – как сегодня, – когда Элли казалось, что она больше ни одного часа не выдержит под дядюшкиной крышей.

Осталось несколько месяцев, напомнила она себе. Всего несколько месяцев. А потом она станет свободна.

Часы в холле пробили десять, когда Элли наконец смогла скрыться у себя в «детской».

Двенадцать лет назад, когда она, убитая горем из-за безвременной смерти отца, появилась в Пеннингтон-Хаусе, дядюшка отвел ей крошечную спальню по соседству со спальнями своих младших детей, чтобы по ночам Элли берегла их сон, а днем помогала им с учебой. В конечном счете она стала их гувернанткой. И осталась здесь, даже когда Седрик уехал в Итон, а Беатрис переехала вниз, в просторную спальню рядом с другими членами семьи.

Элли такой чести не предложили.

Теперь темная классная комната и соседние спальни были пусты. В «детском крыле» Элли осталась единственной обитательницей – и это ее вполне устраивало. Здесь она могла спокойно работать над своим замыслом, не опасаясь, что ей помешают.

Элли надела скромную ночную рубашку и устроилась на кровати, подложив под спину тощую подушку и прикрыв ноги одеялом. Устроив блокнот на согнутых коленях, словно на импровизированном столе, при колеблющемся свете свечи принялась рисовать двух новых персонажей для своих сказок.

Первая – кошка-волшебница: Элли решила, что звать ее будут Фея-Длиннохвостая. Высокая, гибкая и элегантная, на задних лапах, в струящемся сказочном наряде, в передних лапах она держала пару блестящих туфелек. Когда Элли сделает рисунок в цвете, туфельки станут винно-красными.

Интересно, заметит ли кто-нибудь, что женственные черты и мудрые глаза волшебной кошки принадлежат леди Милфорд?

Улыбнувшись, Элли несколькими решительными штрихами добавила кошачьей мордочке изящные усы. В холодной спальне, на комковатом матрасе, в тусклом свете свечи – сейчас она не замечала неудобств и была счастлива.

В воображении ее родилась новая сцена, которую Элли начала переносить на бумагу. Фея-Длиннохвостая направила свою волшебную палочку на крысу – огромную крысу в человеческий рост, пробравшуюся к принцессе в спальню. Гигантского грызуна Элли одела в широкий черный плащ, зловеще развевающийся за спиной, и черную шляпу с опущенными полями.

Создавая второго нового персонажа, Элли черпала вдохновение в образе странного незнакомца в фээтоне, встреченного дважды за сегодняшний день. В этом человеке чувствовалось что-то неуловимо зловещее... хотя, быть может, это просто ее богатое воображение. Но, право, гораздо интереснее вообразить, что это какой-нибудь негодяй с недобрыми намерениями, чем признать скучную правду: скорее всего, самый обычный джентльмен услышал где-нибудь о красоте леди Беатрис Стратем и решил полюбоваться на нее, не дожидаясь первого бала.

И все же Элли решила превратить его в крысака-злодея. «Как странно работает воображение!» – думала она. День был утомительный, ужин невыносимый. Поднимаясь к себе, Элли едва не падала от усталости – и, кажется, готова была рухнуть в постель и уснуть. Но, едва взяла в руки блокнот и карандаш, сна как не бывало. Новый поворот сюжета наполнил ее энергией и заставил мысль заработать с новой силой.

У изножья узкой кровати стоял сундук с одеждой Элли, а в нем скрывалась толстая пачка акварельных рисунков с подписями. Над этой рукописью Элли работала уже несколько лет, каждую свободную минуту, которую удавалось улучшить в потоке бесконечных домашних обязанностей. Она твердо решила закончить свою книгу к осени – и работала каждый вечер до поздней ночи, пока не начинали слипаться глаза и карандаш не выпадал из рук.

Но дальше предстояла еще одна задача: найти для книги издателя.

При этой мысли, как всегда, тревога уколола в сердце. Элли плохо представляла, как работают издательства, но догадывалась, что убедить кого-то выпустить книгу – только полдела. Что, если издатель откажется платить, пока сам не получит прибыль? Что, если книгу не будут покупать и прибыли она не принесет?

Тогда – прощай, мечта об уютном деревенском домике, где можно жить спокойно и писать новые сказки. Придется до конца жизни остаться даровой служанкой в Пенningтон-Хаусе. При этой мысли Элли вздрогнула.

Но тут же приказала себе отбросить сомнения. Незачем заранее настраиваться на поражение! Пока Седрик и Беатрис были маленькими, Элли прочла им множество сказок на ночь. Были среди них и детские стишки, и басни Эзопа, и истории с моралью. Но ни в одной из этих книг, изданных и напечатанных, Элли не находила ничего похожего на то, что будоражило ее собственное воображение: долгую и захватывающую историю о потерявшейся принцессе, что ищет дорогу домой, по пути заводя знакомства с говорящими зверями, сражаясь с драконами, людоедами и морскими чудовищами.

Или, как в этой главе, с гигантским грызуном.

Элли задумалась, постукивая по блокноту кончиком карандаша. Как бы его назвать? Мистер Крыс? Нет, слишком банально...

Внезапный стук в дверь заставил ее подскочить на месте.

Нахмурившись, Элли взглянула на дверь своей крошечной спальни. С головой погрузившись в воображаемый мир, она не сразу вернулась к реальности.

В «детское крыло» редко кто-то заходил, тем более ночью. Может быть, это горничная графини с ворохом старых бальных платьев?

– Кто там? – крикнула Элли.

– Это я. Надо поговорить.

Элли замерла, стиснув блокнот. Этот приглушенный сипловатый голос был ей хорошо знаком. Уолт!

Она думала, что после ужина кузен по своему обыкновению отправился развлекаться. С какой стати он явился к ней, да еще и в такой поздний час? Уже почти полночь. Что, если у него недобрые намерения? А она сидит в постели в одной ночной рубашке!

И вокруг разбросаны ее драгоценные рисунки.

– Извини, Уолт, – повысив голос, ответила Элли. – Я уже спала. Давай поговорим утром.

– Чушь собачья! Ты не спишь. Вон, у тебя свеча горит, я вижу! – И он снова нетерпеливо забарабанил в дверь. – Давай открывай, а то войду без разрешения!

Будь он проклят! Элли понимала, что Уолт вполне на это способен. Тремя годами ее старше, любимый сын и наследник графа, он не привык к отказам – и не знал удержу, когда речь шла о его желаниях.

– Подожди секунду! – крикнула она.

Элли вскочила с постели и поморщилась, ступив босыми ногами на ледяной пол. Торопливо собрала листы бумаги и блокнот, подбежала к сундуку и спрятала свои труды под синим саржевым платьем. Поверх одежды лежали, сверкая в свете свечи, сегодняшние бальные туфельки. Элли захлопнула крышку, сдернула с крюка на стене потертый зеленый халат, торопливо сунула руки в рукава и крепко затянула пояс.

Огляделась вокруг, однако ничего, что могло бы служить оружием, не заметила. Разве что тяжелый подсвечник... Элли взяла свечу и слегка приоткрыла дверь.

Кузен, с масляной лампой в руках, стоял, прислонившись к двери коридора. Веснушки на носу и на щеках придавали ему невинный вид мальчика-переростка; но Элли знала, что эта мальчишеская внешность обманчива. Все остальное ясно говорило, что перед ней взрослый мужчина – мужчина, не отказывающий себе ни в выпивке, ни, возможно, в еще более предосудительных удовольствиях. Он уже начинал полнеть, как его отец. Сейчас рубаха его была наполовину расстегнута, волосы взъерошены, шейный платок сбился на сторону, а светло-карие глаза остекленели еще сильнее, чем за ужином.

– Чего ты от меня хочешь? – холодно спросила Элли.

Неудачная формулировка: при этих словах взгляд его устремился к ее груди. Элли нахмурилась и поплотнее запахла халат.

– Надо поговорить, – слегка заплетающимся языком сообщил он. – В-внутри.

Он шагнул вперед, и Элли подняла свечу, как преграду между им и собой.

– Нет, Уолт. Хочешь что-то сказать – говори здесь. Тебе вообще не следовало являться ко мне в такой час.

– Ох, Элли! Опять ты со своими нотациями! Иногда мне хочется проверить... – Он протянул руку, словно желая погладить ее по голове – но ее ледяной взгляд, должно быть, отрезвил его, и вместо этого Уолт отдернул руку и пригладил собственные волосы. – Нечего так на меня смотреть! Бога ради, я просто хочу сказать тебе кое-что!

– Тогда говори и уходи. Мне завтра вставать на рассвете, я должна помочь горничной Беатрис с починкой белья.

Уолт сдвинул брови, словно припоминая, что хотел сказать – и вдруг заговорил быстро и как будто испуганно:

– Вот что: пообещай мне глаз не спускать с Беа! Поняла? Все время будь с ней рядом! Не выпускай ее из дома и всюду следуй за ней... по крайней мере, пока я не скажу, что можно прекратить.

Такого Элли совершенно не ожидала. Что может значить такое предупреждение? Может быть, просто пьяный бред? Вон как от него несет спиртным... Однако Уолт выглядел необычно серьезным.

– Я не понимаю... Это из-за того, что мы сегодня были у леди Милфорд? Тебе граф приказал со мной поговорить?

– Нет... то есть да. Да! Отец сказал, что Беа наказана... за плохое поведение... вот. За то, что напросилась в гости к незнакомому человеку.

Уолт лгал – это Элли видела ясно. Сперва он отрицательно замотал головой, но в следующую секунду, что-то сообразив, ухватился на объяснение, которое Элли сама ему подсказала. Но ради чего Уолту запирает Беатрис дома?

Может быть, вино пробудило в нем рыцарские инстинкты, и он решил защищать сестру и следить, чтобы она не наделала глупостей?

А может быть, это только удобный предлог, чтобы явиться к Элли среди ночи?

– Что ж, – спокойно ответила она, – твоя сестра, конечно, такому распоряжению рада не будет. Но если таково желание графа, то ей придется подчиниться. Спокойной ночи.

Уолт молчал и сверлил ее взглядом, от которого у Элли мурашки побежали по коже. Но она ответила ему самым суровым взглядом, на какой была способна – и наконец он пробормотал: «Доброй ночи». Элли смотрела, как он, пошатываясь и придерживаясь за стену, идет по коридору прочь и исчезает за поворотом.

Только после этого она захлопнула дверь спальни и повернула ключ в замке. Но этого ей показалось недостаточно: в эту ночь Элли не смогла уснуть, пока не придвинула к двери тяжелый комод.

Глава 5

На следующее утро все мысли о странном поведении Уолта отступили на задний план, вытесненные визитом в Пеннингтон-Хаус неожиданной гостью.

Беатрис обычно спала допоздна; и сейчас она сидела в своей кровати под пологом, потягивая горячий шоколад и листая модный журнал, а Элли у окна, пользуясь светом яркого утреннего солнца, зашивала дыру в ее белой ночной сорочке.

Беатрис со стуком поставила чашку на блюде.

– Не понимаю, почему мы не можем поехать к герцогу Эйлуину! – капризно протянула она. – Предстоящий бал – отличный предлог, чтобы познакомиться с герцогом и попросить у него совета по оформлению зала в египетском стиле!

Элли понимала, что должна твердо положить конец этим планам.

– Мы это уже обсудили. Твой отец считает, что вдохновение тебе лучше черпать из книг. Сегодня после обеда, по пути к модистке, заедем в библиотеку.

При мысли о том, чтобы куда-то ехать вместе с Беатрис, она ощутила укол беспокойства. Вчера Уолт сказал ей, что сестра наказана, что ей запрещено выходить из дома. Вдруг это правда? Элли не очень в это верила, но боялась рассердить дядюшку Бэзила, послушавшись его запрета. Единственный способ разрешить этот вопрос – спросить напрямую у самого графа. Однако сразу после завтрака он уехал. Оставалось лишь надеяться, что он вернется к обеду.

В этот миг распахнулась дверь – так резко, что Элли от неожиданности укололась иголкой и сунула в рот пострадавший палец. В спальню ворвалась графиня Пеннингтон. Сегодня внушительную фигуру бабушки «украшал» бесформенный мешок горчично-желтого цвета.

– Беатрис! – вскричала бабушка, всплеснув руками. – Ты еще в постели? Вставай скорее! В голубой комнате тебя ждет леди Милфорд!

– Леди Милфорд? Здесь? Приехала ко мне?! – Беатрис отбросила модный журнал и вскочила с кровати. – Бабушка, ты уверена? Но ведь еще так рано, даже полудня нет!

– Разумеется, уверена! Приехала нанести тебе ответный визит, так что, дорогая, постарайся произвести на нее благоприятное впечатление – и поторапливайся! – Графиня повернулась к Элли; улыбка стерлась с ее лица. – А ты, Элоиза, приготовь для сестры светло-зеленое шелковое платье, да поскорее! Через пять минут жду внизу вас обеих!

С этими словами старуха выплыла из спальни, а Элоиза бросилась в соседнюю гардеробную, чтобы подобрать для Беатрис подходящее белье. Необыкновенная новость поразила ее до глубины души. Ради всего святого, зачем явилась сюда леди Милфорд? И почему бабушка особенно подчеркнула, что Элли должна сопровождать кузину?

Вчера Беатрис благоприятного впечатления на леди Милфорд не произвела – это Элли могла сказать точно. Кузина вела себя бестактно и до неприличия прямолинейно. Быть может, леди приехала, чтобы распечь Беатрис за недостаток хороших манер в присутствии бабушки? Или, и того хуже, упрекнуть Элли в пренебрежении обязанностями гувернантки?

Однако размышлять об этом времени не было: предстояло за пять минут затянуть кузину в корсет, чулки, нижние юбки и платье. Элли шнуровала, натягивала, застегивала, расчесывала так быстро, как только могла. Не помогало делу то, что Беатрис вертелась от нетерпения и требовала от нее поторапливаться.

Наконец разряженная и надушенная Беатрис в сопровождении Элли спустилась вниз по лестнице, и бабушка с улыбкой подвела их к гостье, сидящей у камина в кабинете. Тут же сидела, сложив руки на коленях и низко опустив голову в кружевной чепце, леди Анна: кажется, она изо всех сил старалась сделаться незаметной. Элли прекрасно ее понимала. Леди Милфорд, в сиреневом шелковом платье и с черными, как вороново крыло, волосами, уложен-

ными в элегантный шиньон, имела вид столь величественный, что перед ней задрожали бы и более отважные смертные.

Беатрис присела в изящном реверансе, а Элли незаметно скользнула в сторону и опустилась на стул в дальнем углу комнаты. Как и леди Анна, она не собиралась привлекать к себе лишнее внимание. Однако любопытство не давало ей покоя, и она невольно сдвинулась на самый край стула, чтобы лучше видеть и слышать происходящее.

Леди Милфорд не стала терять времени зря: после краткого обмена любезностями она поспешила удовлетворить любопытство хозяев.

– После нашей вчерашней милой беседы, – заговорила она, повернувшись к Беатрис, – я вдруг подумала: не навестить ли мне сегодня герцога Эйлуина? И, возможно, вы – разумеется, с позволения вашей бабушки – захотите меня сопровождать.

Беатрис всплеснула руками:

– Быть представленной его светлости герцогу? Хочу ли я?! О боже! Боже мой! Бабушка, пожалуйста, бабушка, разреши мне поехать!

Графиня Пеннингтон с ангельским видом ответствовала, что, разумеется, разрешает. Элли слушала все это в глубочайшем изумлении. Вчера леди Милфорд уверяла, что едва знакома с герцогом-отшельником – и наотрез отказалась помогать Беатрис с ним познакомиться. Почему же сегодня передумала?

Вдруг Элли поняла, что леди Милфорд обращается к ней.

– Мисс Стратем, вы, разумеется, следите за расписанием своей кухни. Вы уверены, что сегодня у нее нет других дел?

– Сегодня Беатрис должна была ехать к модистке, – ответила Элли. – Но примерку платьев можно отложить...

– Это может быть сложно, – спокойно ответила леди Милфорд. – Накануне открытия сезона портнихи обычно очень заняты... – Она окинула Элли внимательным взглядом, и кошачьи глаза ее таинственно блеснули. – Вот что: мне кажется, вы с леди Беатрис одного роста и сложения. Может быть, вам съездить примерить платья вместо нее?

– Миледи, какое удовольствие видеть вас в моей скромной мастерской!

Голос донесся из-за спины, когда Элли, облаченная в элегантное бальное платье, любовалась на себя в ростовом зеркале. Помощница портнихи помогла ей переодеться в наряд, стоящий целое состояние. Бледно-розовое платье с рукавами-фонариками, отороченными бельгийским кружевом, сидело идеально, словно было для нее сшито, юбка шелестела при каждом движении, и Элли казалось, что в этом платье она не идет, а плывет по воздуху. Легко было представить себя принцессой Арианной в конце ее приключений, когда она возвращается во дворец к родителям, давно утратившим надежду! Немного подумав, Элли взяла с соседней полки белую газовую вуаль, расшитую розами, и, словно короной, украсила ею зачесанные наверх волосы.

Повернувшись, она увидела, что в примерочную входит внушительного вида хозяйка заведения. На лягушачьей физиономии женщины – хоть она и видела Элли в первый раз – сияла широчайшая улыбка. На миг Элли ощутила приятное волнение. Пусть ее и принимают за кухню, все же это куда приятнее, чем скучной старой девой сидеть в углу!

– Добрый день, миссис Пиблз, – поздоровалась она, снимая с головы вуаль. – Я мисс Стратем, кухня леди Беатрис.

Сияющая улыбка тут же испарилась; миссис Пиблз окинула Элли критическим взором и вздернула верхнюю губу.

– Ах да, конечно же! Мне следовало догадаться. Волосы у вас темнее, чем у вашей кухни. А почему леди Беатрис не пришла?

– У нее неожиданно возникло неотложное дело, и она прислала меня вместо себя.

Думая об этом, Элли до сих пор не могла опомниться от удивления. Словно гром с ясного неба, у них на пороге возникла леди Милфорд и пригласила Беатрис к герцогу Эйлуину. Мало того – предложила Элли поехать на примерку вместо нее! Леди Милфорд даже настояла, чтобы Элли надела платье кухни и ее яркую голубую мантилью; бабушка пыталась возражать, но гостя без труда убедила ее, что племянница графа Пеннингтона, выходя «в люди», должна выглядеть презентабельно.

Пожалуй, в леди Милфорд в самом деле есть что-то от Феи-Длиннохвостой из ее книги! Впрочем, Элли понимала, что модное дорогое платье в любом случае ей не светит. Заставить дядюшку раскошелиться бессильно даже волшебство!

– Отлично, – проговорила миссис Пиблз, расправляя кружево у нее на манжете. – Сегодня я собираюсь точно определить длину заказанных платьев и подшить им подолы. Скажите, вы носите каблуки такой же высоты, как и ваша кухня?

Последовав мудрому совету леди Милфорд, Элли надела подаренные ею туфельки. Они сели точно по ноге – и, надо признаться, такой мягкой, такой удобной обуви Элли никогда еще не носила! И сейчас улыбалась, глядя, как отражается и преломляется свет в крошечных осколках хрустала.

– Да, точно такой же.

Миссис Пиблз присела на корточки и принялась подкалывать подол. Булавки она держала во рту, но говорить ей это совершенно не мешало.

– Вижу, вы действительно очень походите на леди Беатрис и по росту, и по обмерам. Почти все пропорции те же... кроме груди, разумеется!

Взглянув на свое отражение в зеркале, Элли заметила, что грудь ее, стиснутая слишком тесным лифом, в самом деле едва не выпрыгивает из низкого выреза. Смущенная, она не знала, что ответить. Сознание, что в этой области она щедро одарена природой, всегда ее стесняло.

– Просто преступление – с такой чудной фигурой носить бесформенные платья! – продолжала миссис Пиблз. – Женщина должна привлекать внимание к лучшему, что в ней есть! Теперь, будьте добры, повернитесь...

Элли немного повернулась, и швея начала подкалывать подол с другой стороны.

– Я просто компаньонка. И первый бал у кухни, а не у меня.

– И что с того? Разве это причина не привлекать к себе внимание? Прошу прощения, мисс, но как иначе вы найдете себе мужа?

Как видно, миссис Пиблз прониклась к ней симпатией и решила поболтать по душам! Против дружеской болтовни Элли не возражала, но не собиралась отчитываться постороннему человеку в своих планах. Большинство людей не понимают, как может женщина быть счастлива без мужа, детей и всех хлопот, которые несет с собою брачный союз.

Впрочем, большинство людей не сочиняют сказок и не пишут книг.

– Думаю, вы правы, – вежливо ответила Элли. – Скажите, а если бы я попросила у вас совета в том, как улучшить свой внешний вид, какие цвета вы бы мне рекомендовали?

Миссис Пиблз подняла глаза и оглядела ее с головы до ног.

– Такой женщине, как вы, нужно что-то поярче. Цвета драгоценных камней и металлов, знаете ли. Темная бронза – она подчеркнет рыжие волосы. И изумрудно-зеленый или цвет морской волны – в тон глазам.

Как и рассчитывала Элли, дальше добрая женщина прочла ей целую лекцию о тканях, фасонах, оборках и кружевах. Вопрос о ее брачных планах – или отсутствии таковых – больше не поднимался. К тому моменту, как Элли перемеряла все будущие платья Беатрис, и у каждого подкололи подол, они с миссис Пиблз уже стали подругами, и портниха даже предложила уступить ей отрез зеленого шелка за полцены.

Элли с благодарностью приняла шелк, завернутый в коричневую оберточную бумагу. Для ее сбережений и полцены было серьезным испытанием; однако лучше уж так, чем перешивать

какое-нибудь из отвратительных платьев старой графини. Тепло поблагодарив портниху, она пообещала принести плату на следующий день.

Если, разумеется, не случится чудо и за отрез для ее платья не согласится заплатить дядюшка. Но скорее ад замерзнет!

Выйдя из магазина, Элли в удивлении остановилась на пороге. Пока она мерила платья, сгустились сумерки, и Бонд-стрит почти опустела. Часы в примерочной пролетели незаметно: она совсем забыла о времени! Накрапывал дождь, и Элли натянула капюшон ярко-голубой мантильи.

Сунув сверток под мышку, она поспешила на Ганöver-сквер коротким путем. Теперь она жалела, что надела чудесные туфельки леди Милфорд. Нет, в них было по-прежнему сказочно удобно: она словно плыла по воздуху. Однако когда Элли выходила из дома, небо было солнечным и ясным. Теперь же, глядя на хмурые небеса, она боялась, что вот-вот хлынет ливень и погубит ее подарок.

Наклонив голову, чтобы спрятать лицо от дождя, быстрым шагом шла она мимо магазинов и лавок, окна которых уже светились теплым золотистым светом. До дома было всего каких-нибудь десять минут ходу – и все же Элли жалела, что не может проехать этот путь в карете, в которой можно спрятаться от пронзительного ветра и дождя.

Вернулась ли Беатрис в Пеннингтон-Хаус? Элли не терпелось узнать, как прошел визит и удалось ли в конце концов кузине очаровать герцога Эйлуина. При всем своем легкомыслии и бесцеремонности Беатрис была красива – а перед милым свежим личиком и огромными голубыми глазами порой и книжные черви не могут устоять!

Дойдя до конца квартала, Элли повернула за угол – и с размаху врезалась в горничную, спешащую навстречу. Девушка шла с корзиной яблок; она уронила корзину, и яблоки рассыпались по мокрой мостовой.

– Ох! – воскликнула Элли. – Простите меня, ради бога!

– Это вы меня простите, миледи. Сама виновата – не смотрела, куда иду!

По обращению «миледи» Элли догадалась: увидев голубую мантилью, горничная приняла ее за знатную и богатую особу. Поправлять ее Элли не стала – просто присела и принялась собирать яблоки.

Потянувшись за одним яблоком, выкатившимся на середину улицы, она вдруг заметила, как из черного экипажа, остановившегося неподалеку, выходит какой-то человек. Высокий и широкоплечий, он был облачен в длинный черный плащ, а опущенные поля шляпы скрывали лицо.

Элли застыла с яблоком в руке. Что это: игра воображения – или в самом деле тот же человек, что вчера следил за Беатрис?

Незнакомец взглянул в сторону Элли – и сердце ее тяжело, часто заколотилось в груди. Точно, он! Она узнала эти суровые и резкие, словно высеченные из камня черты. Незнакомец направился к одной из лавок, еще открытых в этот поздний час, распахнул дверь и скрылся внутри.

Элли вздрогнула от холода, имеющего мало общего с промозглой зимней погодой. Поднявшись, протянула девушке последнее яблоко, рассеянно улыбнулась в ответ на ее смущенную благодарность. Обогнула угол и торопливо зашагала по пустынной улице, замерзшей рукой в перчатке прижимая к себе сверток, мечтая только о том, чтобы поскорее оказаться дома, в безопасности.

Она не знала, что и думать. Почему снова и снова навстречу попадает этот человек? Удивительное совпадение – или...? И почему он так пристально на нее смотрел? Конечно, сейчас на ней голубая мантилья, та же, в которой Беатрис вчера была у леди Милфорд. Возможно ли, что он принял Элли за Беатрис?

Девушка старалась убедить себя, что раздувает из мухи слона. Этот человек не причинил ей никакого зла, ничем не угрожал. Богатое воображение писательницы рисует ей романтического злодея и какие-то страшные приключения, и только!

Но, войдя в темный проулок позади магазинов, краем глаза она различила сбоку какое-то движение. Массивную темную фигуру – тень среди теней.

И эта тень двигалась прямо к ней.

Элли набрала воздуха в грудь, чтобы закричать. Но прежде, чем крик сорвался с ее уст, темная фигура прыгнула на нее. Широкая ладонь зажала рот. Подхватив Элли, словно тряпичную куклу, нападающий потащил ее прочь с улицы, в подворотню между домами.

Сверток выпал из ее рук. Охваченная ужасом, она рвалась и брыкалась. Но он держал ее железной хваткой великана. Прижав Элли к стене, поднес к ее лицу какую-то сильно пахнущую тряпку.

Она замотала головой, пытаясь уйти от тошнотворно-сладкого аромата. Но все было тщетно. При первом же вдохе ее голова закружилась, и ноги подкосились. Еще один вдох – и мир растаял во тьме.

Глава 6

Элли терпела кораблекрушение.

Она плыла по бескрайнему черному морю, ритмично покачиваясь на волнах, слыша, как доносится издалека приглушенный плеск воды. Порой ушей достигали голоса, но она не могла разобрать ни слова. Временами пыталась сбросить с себя неподвижность и сонливость, позвать на помощь – но с губ слетали только едва слышные стоны.

Порой призрачная рука подносила к ее рту чашку с каким-то питьем. Элли жадно пила – а затем снова проваливалась в тишину и мрак своей водной могилы.

Но наконец облако тьмы вокруг нее стало понемногу рассеиваться. Элли поняла, что лежит на чем-то теплом и мягком. Мягкого колыхания моря, державшего ее в плену, больше не ощущалось. Сквозь сомкнутые веки сочился рассеянный лимонно-желтый свет, по которому она поняла, что сейчас день.

Снова послышались голоса. На этот раз Элли различила два мужских голоса, один из них – глубокий баритон. Она попыталась понять, о чем они говорят, но сквозь сумрак, окутавший сознание, проступали лишь отдельные слова, казалось, лишённые всякого смысла. «Леди... пропавший ключ... выкуп... граф...»

Один голос говорил с явственным шотландским акцентом, другой – баритон – обладал холодным и строгим выговором, присущим высшему лондонскому обществу. Голоса стали громче, как будто их обладатели подошли ближе и встали прямо над ней. Наконец она начала различать целые предложения, хотя еще не могла понять их смысл – слишком плотный туман стоял в голове.

– Бедняжка, на что она похожа!

– Должен признать, ты прав. На расстоянии она выглядела куда симпатичнее.

В этот момент Элли удалось приподнять тяжелые веки. В первый миг свет ослепил ее, и все вокруг опасно закружилось. Затем расплывчатые темные пятна над ней обрели четкость и сложились в силуэт.

Над ней стоял, наклонившись, и бесцеремонно ее рассматривал человек с черными волосами.

Черты его лица были резкими, даже грубыми, словно у незавершенной мраморной статуи. Высокие скулы, прямой нос, тяжелая квадратная челюсть. Лицо смуглое, а вот глаза неожиданного и очень необычного оттенка – серо-зеленые; Элли даже задумалась о том, какими красками воспроизвести этот цвет на бумаге...

Но в следующий миг воспоминание поразило ее, словно удар молота. Она его знает! Тот незнакомец, что следил за ними на улице. Тот, что глазел на ее кузину. А потом вышел из тьмы и схватил Элли.

Задохнувшись от ужаса, Элли попыталась поднять руки, чтобы его оттолкнуть. Но руки прятались под одеялом, а сама она была сейчас бессильна, словно новорожденный котенок. Вдруг она осознала, что лежит в постели, и это только усилило ее страх. Элли забилась, пытаясь выбраться из-под покрывала.

– Убирайтесь! – Она хотела закричать, но из горла вырвался только слабый хрип. – Или... или я закричу!

Он послушно выпрямился и отступил назад, хоть и всего на шаг. Тут Элли заметила, что на нем угольно-черный сюртук, а под ним рубашка серебристого цвета, все хорошо пошитое и явно дорогое. Уперев руки в бедра, незнакомец окинул Элли острым взглядом; губы его презрительно скривились.

– Успокойтесь, леди Беатрис. Делайте, что вам говорят, и я не причиню вам никакого вреда.

Беатрис? Изумленная тем, что он называет ее чужим именем, Элли сосредоточилась на поисках объяснения. Неужели этот человек похитил ее вместо кузины? Похоже, что так. Значит, надо объяснить его ошибку!

Но сперва необходимо подняться на ноги. Вот так – валяясь в постели, не в силах даже встать, – Элли ощущала себя пугающе незащитной. Собравшись с силами, она приподнялась на локтях. Но на этом пришлось и остановиться; даже небольшое усилие совершенно ее вымотало.

К большому ее удивлению, у кровати появилась женщина и немедленно пришла ей на помощь. Служанка средних лет, пухлая, с круглым лицом и добрыми голубыми глазами, казалось, искренне ей сочувствовала. С ее помощью Элли скоро смогла сесть, опираясь на гору подушек, и выпить немного воды из поднесенной чашки. Мучила тошнота и тупая боль в голове, но Элли старалась не обращать на это внимания. Прежде всего нужно понять, насколько серьезна беда, в которой она оказалась.

Осмотревшись, она обнаружила, что лежит на огромной старинной кровати с четырьмя столбиками, низко нависшим пологом и темно-зелеными занавесками, которые можно задерживать на ночь, оберегая себя от сквозняков. Увидела закругленные каменные стены, узкие прорезы окон высоко над головой, тяжелую старинную мебель.

Словно тюремная камера для благородного узника!

Служанка вернулась на свое место у дверей, где стоял вместе с ней еще один человек, кривоногий и лысый старик. Должно быть, ему принадлежал второй мужской голос, который слышала Элли. Присутствие слуг немного ее успокоило – но совсем чуть-чуть.

Взгляд ее вернулся к похитителю. Он стоял все так же, не двигаясь, словно мраморная глыба – в той же надменной позе, по-прежнему презрительно сжав губы, не сводя с нее пристального взгляда.

– Боюсь, вы совершили ужасную ошибку... – начала Элли.

Он лишь рассмеялся в ответ:

– Несомненно, миледи, с вашей точки зрения это так. Для начала позвольте представиться. Мое имя Демиан Берк. Рад знакомству с вами.

Элли мимолетно отметила, как нелепо звучит это формальное представление – словно они беседуют в какой-нибудь лондонской гостиной! Затем ее внимание сосредоточилось на имени. Демиан Берк. Где она о нем слышала?

Из тумана воспоминаний выплыл обрывок какой-то сплетни. Шесть или семь лет назад Элли помогала бабушке разбирать нитки для вышивания, когда в будуар влетел Уолт. Ему не терпелось рассказать о недавнем скандале, произошедшем с Демианом Берком, его бывшим однокашником: его, мол, застали *in flagrante delicto* с некоей обедневшей, но благородной дамой – и тут же выкинули из порядочного общества.

– Хватит Принцу-Демону болтаться в свете! – с удовлетворением заметил Уолт. – Пусть возвращается в сточную канаву, из которой вышел!

Графиня с ним согласилась, добавив, что Демиан Берк – негодяй последнего разбора, пропащий человек, от одной мысли о котором у порядочной женщины мурашки по коже бегут.

Но сейчас, взглядываясь в его каменные черты, Элли никаких мурашек не чувствовала. Вместо этого в ней рос гнев. Да как посмел этот негодяй похитить ни в чем не повинную женщину – очевидно, ради какой-то злодейской цели! В самом деле, Принц-Демон!

– А я, сэр, не испытываю ни малейшей радости, – ответила она, стиснув руки на коленях. – И вы тоже не обрадуетесь, когда узнаете, что я вовсе не леди Беатрис! Я ее кузина, мисс Элоиза Стратем. Вы украли не ту женщину!

Он взгляделся в нее пристальнее; уголок рта дернулся в легкой усмешке.

– Умно, миледи. Очень умно. Но не думаете же вы, что я в самом деле мог перепутать с вами ту унылую серую мышь, что повсюду вас сопровождает? Она же старше вас лет на двадцать, не меньше!

– Серая мышь? На двадцать лет старше?! Прошу прощения!..

– И потом, вы прекрасно одеты. Одни туфли, что были на вас, для прислуги стоили бы целого состояния.

Элли уже открыла рот, чтобы объяснить, что платье на ней не свое, а туфли подаренные, но вдруг ее отвлекла новая мысль: она сообразила, что ни платья, ни туфель на ней больше нет. Платье сменила ночная рубашка, мягкая и теплая, а ноги под одеялом босы.

Она почувствовала, что багрово краснеет. Кто ее раздел? Неужели этот ужасный человек? А что, если, пока она лежала без сознания, он... он... этим воспользовался?

Слишком смущенная, чтобы спросить об этом прямо, она произнесла ледяным тоном:

– Где мои вещи? И что вы сделали с моими туфлями?

– Все получите назад, когда придет время. А пока за вами присмотрит миссис Макнаб. – И блеснув серо-зелеными глазами, он добавил: – Думаю, вас немало успокоит мысль, что она же ухаживала за вами во время путешествия.

Элли бросила взгляд на добрую служанку, ждущую у дверей, затем снова на Демиана Берка.

– П-путешествия?

– Да, мы три дня провели в море. Я счел необходимым увезти вас подальше от Лондона, чтобы никто не смог прийти к вам на выручку.

Элли пыталась осознать услышанное. Прошло три дня?! Господи боже! Очевидно, он чем-то ее опоил – скорее всего, лауданумом. Это объясняет и головную боль, и туман. Объясняет и долгий сон, в котором ей постоянно чудилось колыхание волн и рокот моря. Мелькали смутные, разрозненные воспоминания о том, как кто-то дает ей воду и бульон, помогает сесть на ночной горшок. И чьи-то голоса...

Элли ощутила, как внутри затягивается холодный узел. Помогите ей боже! Ее похитили три дня назад! Семья, очевидно, заметила ее исчезновение в первый же вечер, когда она не вернулась от модистки. Если все это время ее ищут...

– Где я? – внезапно охрипшим голосом спросила она. – Куда вы меня привезли?

– Неважно, миледи. Вам этого знать не нужно. Просто отдохайте и наслаждайтесь покоем. Считайте, что у вас каникулы.

Демиан Берк отошел от ее постели, остановился у массивного камина, в котором потрескивал огонь. Самоуверенно и небрежно, с какой-то звериной грацией оперся о каминную полку. Он был высоким мужчиной, широкоплечим и мускулистым – неудивительно, что ему удалось легко с ней справиться!

Но что же он намерен с ней делать?

Даже думать об этом было страшно; но Элли постаралась побороть и страх, и гнев.

– Наслаждаться тем, что я в плену? Да вы с ума сошли!

– С вами будут обходиться так, как вы привыкли. Вам предоставят все возможные удобства, двое слуг будут постоянно в вашем распоряжении.

– Я не леди Беатрис! – повторила она. – Поймите же наконец! Вы похитили не ту женщину, и я требую, чтобы вы немедленно меня освободили!

– Боюсь, это невозможно. Я не намерен вас отпускать, пока ваш брат не исполнит мое требование.

– Брат? У меня нет брата!

Он бросил на нее мрачный взгляд.

– Довольно, леди Беатрис. Эта игра становится утомительной. Вы останетесь здесь, пока Уолт не пришлет за вас выкуп. Я отправил ему записку прежде, чем мы покинули Лондон.

«Выкуп?!»

Это слово принесло Элли слабую тень облегчения. Значит, покушаться на ее честь Демиан Берк не намерен! Видимо, не станет и принуждать к браку, исходя из ложного убеждения, что перед ним богатая наследница.

Он просто хочет, чтобы за нее заплатили выкуп!

Но тут же у нее вновь упало сердце. Теперь ее судьба в руках беспутного старшего кузена. Сам Уолт заплатить не сможет: живет на отцовском содержании и постоянно жалуется, что денег ему не хватает. Может быть, попросит помощи у отца?

Но одна мысль о реакции графа привела Элли в отчаяние. Дядюшка Бэзил так скуп, что не пожелал назначить ей содержание, даже самое скромное; можно ли ждать, что он станет выкупать ее из лап негодяя? Тем более если учесть, что столь долгое отсутствие неизбежно опорочит ее репутацию...

– И каков выкуп? – спросила она. – Позвольте вас заверить, Уолт едва ли сможет его выплатить. А если вы думаете, что он попросит денег у отца, то этот ваш план не сработает! Я не дочь графа, и за мое освобождение он не заплатит и пары пенсов!

Демиан Берк угрожающе прищурился. С перекошенным от гнева лицом – сейчас как никогда раньше походя на огромную злобную крысу – широкими шагами он подошел к кровати и ткнул в сторону Элли пальцем:

– Выкуп – моя забота, не ваша! Все, чего я жду от вас, леди Беатрис, – чтобы вы причесались, поели и, главное, прекратили морочить мне голову!

С этими словами он развернулся и вышел из комнаты, захлопнув за собой тяжелую дубовую дверь.

Слуга и миссис Макнаб, ожидавшие в тени у дверей, начали шептаться. Затем мужчина вышел следом за хозяином, а женщина подошла ближе.

– Ах вы, бедняжка моя! – проворковала она с ярким шотландским акцентом. – Не следовало лэрду так на вас кричать! Мало того, что вас увезли бог весть куда, так еще и это...

«Лэрду»? Элли ухватилась за это слово.

– Где я? Это... это Шотландия?

Миссис Макнаб поджала губы.

– Это мне вам говорить запрещено, миледи. Хотя и отрицать не стану. А теперь вы, должно быть, хотите освежиться?

Она помогла Элли подняться и перейти за ширму, где девушка могла спокойно привести себя в порядок. Элли обдумывала ее слова. Они три дня плыли по морю – значит, ее держат на побережье или где-то неподалеку? И насколько далеко от английской границы?

Выйдя, она обнаружила, что миссис Макнаб склонилась над открытым ящиком платяного шкафа.

– Пожалуйста, – взмолилась Элли, – скажите мне, что это за место?

Женщина бросила на нее опасливый взгляд.

– Это замок. Больше ничего не скажу, и не просите!

Замок?

Элли огляделась вокруг, вновь отметив закругленные каменные стены. Похоже, комната в башне! Несмотря на свое невеселое положение, она ощутила проблеск любопытства. Рисунки замков и крепостей она часто рассматривала в книгах, порой рисовала их и сама, руководствуясь только воображением. Но побывать в настоящем замке ей никогда до сих пор не доводилось!

Стремясь выглянуть наружу, она пододвинула табурет к бойнице. Однако, к ее разочарованию, окно располагалось слишком высоко: даже с табурета Элли видела лишь быстро бегущие облака. Судя по направлению света, день уже клонился к вечеру.

Послышался стук в дверь: вошел слуга по имени Финн, неся в каждой руке по ведру воды. Миссис Макнаб пододвинула ближе к огню небольшую медную ванну, и Финн вылил туда оба ведра. Затем кивнул в сторону Элли плешивой головой и вышел, закрыв за собой дверь.

Глядя ему вслед, Элли нахмурилась. Принц-Демон приставил к ней двоих слуг – но куда ушел сам? Быть может, крадется сейчас по какому-нибудь темному коридору, словно крыса, на которую он так похож!

То, что она может сбежать, кажется, совсем его не беспокоит. Возможно, вокруг замка расставлена охрана? Или он просто думает, что лондонская дебютантка побоится прошмыгнуть мимо миссис Макнаб, едва та повернется к ней спиной?

Элли обдумала эту мысль. Ключа в замке она не видела. Финн, уходя, точно не запер за собой дверь. Что, если второго шанса не будет? Если бежать, то прямо сейчас, пока служанка, стоя к ней спиной, что-то ищет в гардеробе!

Не сводя глаз с горничной, Элли на цыпочках двинулась к дверям. Мягкий ковер заглушал ее шаги. Однако стоило ей взяться за холодную дверную ручку, миссис Макнаб бросила взгляд через плечо, укоризненно покачала головой в чепце и пощелкала языком.

– Куда же это вы собрались, милая моя, в ночной сорочке и босиком? Ветер сейчас северный, и вы как пить дать подхватите простуду! Идите-ка лучше сюда, и старая Макнаб расчесет вам волосы!

Если бы женщина закричала на нее или начала угрожать, Элли просто вылетела бы за дверь и бросилась бежать со всех ног. Но ласковый, материнский тон миссис Макнаб заставил ее осознать всю глупость своего импровизированного плана. В самом деле, куда она собралась? По совершенно незнакомой местности, в тонкой ночной рубашке, босиком? На улице февраль, и она может замерзнуть насмерть!

Миссис Макнаб подвела ее к туалетному столику.

– Присядьте, ягненок мой, и давайте-ка перед купанием вам кудри распутаем!

Элли покорно опустилась на мягкий табурет. Взглянув на себя в помутневшее от времени зеркало, едва удержалась от возгласа изумления. Теперь понятно, почему Принц-Демон так грубо приказал ей причесаться! Вместо обычного узла на затылке, строгого и гладкого, на голове у нее красовалось настоящее воронье гнездо. Густые рыжие кудри, распушившиеся от сырого морского воздуха, торчали во все стороны. Под глазами круги, на бледном лице ярко выделяются веснушки.

Взяв гребень из слоновой кости, миссис Макнаб принялась аккуратно распутывать ее злосчастную шевелюру. Элли, разбиравшая волосы с другой стороны пальцами, чувствовала и злость, и странное смущение. Никогда еще она не встречала такого грубого, наглого типа, как этот Демиан Берк! Может, он и одет как джентльмен, но его манеры ясно показывают, кто он таков на самом деле! Посмел обозвать ее – точнее компаньонку Беатрис – серой мышью! Хуже того: предположил, что она старше Беатрис лет на двадцать – хотя на самом деле всего на девять!

Неожиданно сильно этим задетая, Элли хмуро воззрилась на свое отражение. Неужто она в самом деле так непривлекательна? Для него, похоже, да. Что ж, пожалуй, этому стоит радоваться: по крайней мере, непрощеное внимание с его стороны ей не грозит!

Но он сказал и кое-что еще – сразу перед тем, как она открыла глаза: «На расстоянии она выглядела куда симпатичнее!»

Элли сердито дернула спутанные пряди. Да он просто идиот! Разумеется, Беатрис – краса и гордость семьи. Именно поэтому он должен был бы поверить Элли: она – не Беатрис! Доказательство у него прямо перед глазами, а он упрямо отказывается верить, что украл не ту девушку!

Что ж, поверить придется, когда выкуп не появится. Но до этого, возможно, пройдут недели. Нет, Элли не готова так долго ждать, пока в его тупую голову пробьется свет истины!

Финн принес еще два ведра горячей воды, и после того, как он ушел, миссис Макнаб придвинула ширму к камину, чтобы Элли могла вымыться без помех. Элли погрузилась в ванну, от которой поднимался пар: удовольствие от горячей воды немного улучшило ее настроение. Сама того не желая, она расслабилась и, на время отложив мечты о побеге, принялась тщательно тереть себя бруском мыла с запахом сирени и промывать волосы, пока они не начали скрипеть.

Когда она закончила, миссис Макнаб протянула ей льняное полотенце, а затем красное шелковое платье с длинными прилегающими рукавами и узкой талией.

– Но это не мое! – возразила Элли.

– Лэрд поручил мне купить для вас все необходимое. Их там еще вон сколько! – И служанка, открыв дверцу гардероба, показала Элли целый ряд модных платьев.

Элли совершенно не хотелось принимать подарки от Принца-Демона. Помимо всего прочего, просто неприлично носить платья, которые покупает тебе посторонний мужчина! Но что ей оставалось?

Миссис Макнаб помогла ей одеться, и Элли села у камина, чтобы расчесать длинные мокрые волосы. Едва горничная вышла, чтобы принести ужин, девушка вскочила и принялась осматривать каждый уголок своей тюрьмы. Здесь нашлись и модные журналы, и колода карт, и все для шитья, и несколько готических романов из тех, что любят дамы. Выглянув за дверь, она обнаружила там каменную винтовую лестницу, освещенную одиноким факелом в железном кольце. Крутые ступени спускались вниз и исчезали за поворотом.

Мысль о побеге страшно ее искушала, но Элли понимала, что сейчас не время. Вдруг на лестнице или в коридоре она наткнется на Принца-Демона? Надо подождать до поздней ночи, когда все в замке уснут.

Демиан Берк недурно все спланировал, когда решил ее похитить. И все же, как ни мало знала Элли, она надеялась его перехитрить.

Глава 7

В самый темный и глухой ночной час Элли выскользнула из своей комнаты. Холод на лестнице стоял ледяной, и она возблагодарила судьбу за то, что нашла в гардеробе плащ с капюшоном и теплые дамские полуботинки. Ботинки, правда, было маловаты – но это сейчас меньше всего ее беспокоило.

После ужина Элли собиралась читать в постели и не засыпать. Однако усталость взяла верх: сама того не заметив, она уснула над книгой, а проснувшись несколько минут назад, обнаружила, что дрова в камине почти прогорели и комната погружена во тьму.

Беда в том, что ей неоткуда было узнать время. Может быть, сейчас полночь, а может, близится рассвет. И во втором случае нужно поторопиться, чтобы до наступления утра оказаться как можно дальше от Демиана Берка!

Спускаться по крутым ступеням винтовой лестницы в платье до пола оказалось задачей нелегкой, требующей полной сосредоточенности. Факел на стене давно погас, и единственным источником света осталась свеча у нее в руке. Одной рукой Элли держала свечу, другой прикрывала огонек от холодных сквозняков.

Помоги ей бог, если она лишится единственного источника освещения! В темном, как могила, замке ей никогда не найти дороги. Наверняка забредет в какое-нибудь мрачное подземелье, заблудится там, выбьется из сил, а сто лет спустя кто-нибудь споткнется о ее скелет.

Элли вздрогнула и постаралась выбросить из головы мрачные фантазии, сейчас совершенно излишние. Незачем пугать себя страшными сказками, когда и реальных ужасов хватает с лихвой! Сейчас у нее одна задача – выбраться из замка, не разбудив Принца-Демона.

За ужином, состоящим из хрустящего свежее испеченного хлеба с сыром, она вовлекла миссис Макнаб в разговор и стала – как бы невзначай, из любопытства – расспрашивать о замке. Где кухня? Где конюшни? А ворота? Живет ли в замке кто-нибудь еще? Где спит лэрд?

Покончив с ужином, Элли уже более или менее представляла себе планировку замка. Звучало все очень просто. По углам стен четыре башни, в одной из этих башен ее и держат. В центре замкового двора – каменная цитадель. Надо только выбраться на двор, а там при свете луны она без труда найдет ворота.

Правда, Элли понятия не имела, сможет ли открыть подъемную решетку или опустить мост. Но должен же быть какой-то выход наружу! Придется стать бесстрашной и изобретательной, как принцесса Арианна из ее сказки.

Добравшись до основания башни, Элли обнаружила запертую дверь и смело взялась за железную задвижку. Однако задвижка не поворачивалась, и у нее упало сердце. Так вот почему никто не позаботился запереть ее комнату! Потому что выйти отсюда все равно нельзя.

Все надежды рухнули в одно мгновение. Нет! Не может быть! Неужели она в ловушке?

Элли поставила свечу в подсвечнике на пол, взялась за задвижку обеими руками и надавила изо всех сил. Было темно, но замочной скважины она не видела. Может быть, дверь заперта снаружи – на ключ или на засов? Если так, ее план обречен.

Но вдруг задвижка под ее неловкими пальцами подалась и с громким возмущенным скрипом отъехала в сторону. Элли рассмеялась от облегчения; смех эхом отдался от каменных стен пустынного, мрачного холла. Слава богу! Просто застряла!

А в следующий мигстряслась беда. Едва Элли приоткрыла тяжелую дверь, порыв холодного ветра, ворвавшись внутрь, погасил свечу.

Вмиг ее окутала поистине стигийская тьма. Элли в своих тесных ботинках застыла на месте. Боялась выйти из башни в неизвестность, боялась даже шевельнуться. Одному богу ведомо, что может ждать ее во мраке!

Например, сам Принц-Демон.

На миг она всерьез задумалась о том, чтобы подняться по винтовой лестнице назад и снова зажечь свечу от углей в камине. Или, может, просто забраться под теплое одеяло и уснуть?

А принцесса Арианна? Она отказалась бы от побега из-за какой-то свечки?

Ну нет! Элли глубоко вдохнула холодный воздух. Она уже далеко зашла и не станет поворачивать назад!

Оставив бесполезную свечу на полу, она налегла плечом на дверь. Та с громким скрипом отворилась, и в лицо Элли вцепились ледяные когти мороза. Судя по потоку холодного воздуха, где-то впереди имелся выход на улицу.

Ободренная этой мыслью, Элли широко расставила руки и медленно двинулась вперед в кромешной тьме. По обе стороны от себя нащупала каменные стены. Похоже, она в коридоре, ведущем наружу – хотя холод и тьма здесь скорее напоминали гробницу.

Постепенно глаза привыкли к темноте, и она начала различать впереди, на некотором расстоянии от себя, светлое пятно – нечто вроде высокой арки. Элли двинулась в этом направлении. Порывы холодного ветра становились все сильнее, рвали на ней плащ и пронизывали до костей.

Добравшись до выхода, девушка осторожно выглянула наружу. К величайшему своему облегчению, на фоне бескрайнего ночного неба она различила зубчатые стены замка! Луны не было. Сквозь тяжелые черные тучи слабо сочился свет лишь нескольких звезд, почти не разгоняющий тьму.

Элли оглядела двор. В центре его мрачным черным великаном высилась прямоугольная цитадель. Если верить миссис Макнаб, это массивное строение и есть логово Принца-Демона!

Разумеется, служанка описывала цитадель вовсе не в таком готическом духе. Просто сказала, что там живет и ночует лэрд. И еще, что Элли не стоит его бояться – он, правда, человек грубый и резкий, но вполне достойный и порядочный.

Достойный и порядочный, как же! Похитил девушку и держит в плену ради выкупа – именно так обычно поступают джентльмены! Да он просто... просто вылитый злобный крыс из ее сказки!

Сквозь вой ветра до Элли доносился неумолчный рокот моря. Значит, замок действительно на берегу!

Прежде чем выйти из своего укрытия, она долго всматривалась в темный двор, стараясь уловить хоть какое-то движение. Но все было тихо. Где Демиан Берк? Будем надеяться, крепко спит в своей кровати, уверенный, что избалованная лондонская дебютантка ни за что не решится бежать.

Да, вполне возможно, Беатрис на ее месте дрожала бы и рыдала, слишком перепуганная, чтобы изобрести смелый план побега. Наверняка побоялась бы покинуть теплую спальню и выйти в неизвестность – в мрачную, бурную, неприветливую ночь!

Но Элли – не Беатрис.

Бежать к воротам напрямик через двор она не отважилась – предпочла прокрасться вдоль стены, скрывшись в тенях. Кто знает, вдруг Демиан Берк или его подручный Финн прячутся где-нибудь неподалеку? Ветер рвал на ней плащ, пытался сдернуть с головы капюшон, и Элли придерживала его, туго затянув под подбородком.

Не давала покоя мысль, что погода, кажется, становится все хуже. Вдруг разразится буря? Покинув замок, ей придется как можно скорее найти какое-нибудь укрытие. Может быть, поблизости найдется деревня, где можно будет спрятаться в каком-нибудь сарае или, еще лучше, отдаться на милость добросердечного крестьянина?

Добравшись наконец до ворот, Элли обнаружила, что путь ей преграждает крепко запертая подъемная решетка. Шум волн здесь звучал громче, а сквозь решетку вдали виднелся слабый блеск воды.

Она ходила туда-сюда, разглядывая массивную преграду, однако не могла найти ни задвижки, ни засова. Что же дальше? Должен быть способ открыть ворота! Может быть, в привратницкой есть какой-нибудь подъемный механизм?

Заметив дверь в стене рядом, Элли открыла ее. Однако к собственному удивлению, увидела не комнату, а очень узкий проход, который оканчивался темным отверстием. Едва веря своей удаче, она протиснулась через проход – и через несколько мгновений уже стояла по другую сторону замковых стен!

От восторга у нее перехватило дух. Элли даже подпрыгнула на месте. Но тут же порыв ветра едва не сбил ее с ног, напомнив о необходимости найти укрытие, пока погода не стала еще хуже.

От ворот уходила раскисшая дорога; но, желая запутать потенциальных преследователей, Элли повернула в другую сторону. Медленно начала спускаться по склону, усеянному камнями и булыжниками, опасаясь споткнуться обо что-нибудь в темноте и кувырком полететь вниз. Что ж, по крайней мере, здесь не было рва с водой – видимо, потому, что замок стоял на крутом утесе над морем.

Несколько раз, спускаясь по крутому холму, Элли спотыкалась. В тесных ботинках было неудобно идти, к тому же она ничего не видела в темноте. Свирепые порывы налетавшего с моря ветра резали, как ножом, даже через несколько слоев одежды. Но она шла, понимая, что должна уйти от замка как можно скорее и как можно дальше. Что делать после, Элли понимала довольно смутно; думала, что пройдет немного вдоль берега, затем свернет в другую сторону от моря, найдет дорогу и дальше двинется по ней.

Наконец берег сделался более пологим, идти стало легче. Справа, блестя в слабом свете звезд, бились о берег волны, набегали и снова отбегали, топя прибрежную гальку в мерцающей пене. С другой стороны мрачно высился над беспокойным морем замок-великан.

Холод пробирал до костей: Элли крепче запахнула плащ, стараясь сохранить тепло, и поспешила по каменистому берегу. Она подбадривала себя фантазиями о том, как поражен будет Демиан Берк, обнаружив утром, что она сбежала. Должно быть, Принц-Демон начнет рвать и метать, когда пойдет прахом его блестящий план!

Впрочем, план в любом случае пойдет прахом: выкупа-то он не получит! И что тогда с ней сделает?

Об этом думать не хотелось.

Дрожа от холода, Элли пробиралась по берегу, усеянному камнями. Порывистый ветер хлестал ее по щекам солеными каплями морской воды. Но она спешила вперед, торопясь уйти как можно дальше от замка.

Однако когда Элли оглянулась, чтобы понять, далеко ли ушла, замок по-прежнему нависал над самой ее головой. Раздосадованная, она ускорила шаг, следя за тем, чтобы не удаляться от береговой линии. Ветер грозил сорвать с нее капюшон и вынуждал наклонять голову. Ботинки скрипели на мокром песке, подол платья намок и тянул вниз; несколько раз она едва не падала под напором внезапных и резких порывов ветра.

Долго, уже очень долго она пробиралась по берегу, когда вдруг заметила слева от себя огромный валун. Рядом шла размокшая дорога: доходила до каменистого пляжа и резко обрывалась. Элли проследила за ней взглядом, желая понять, куда ведет эта дорога... и не поверила своим глазам.

Дорога, петляя, взбиралась по крутому холму и оканчивалась у ворот замка. Элли описала круг и вернулась туда, откуда пришла!

Но как такое возможно?

Девушка отчаянно заморгала, стряхивая соленую воду с ресниц, уверенная, что это ей мерещится. Она шла не меньше часа! Пусть вокруг и темно – как можно было настолько сбиться с дороги?

Нет, это какая-то бессмыслица! Элли никуда не сбивалась. Все это время она шла по берегу, и море постоянно было справа, в этом сомнений не было.

Вдруг из-за валуна шагнула ей навстречу огромная темная тень. Мрачная, угрожающая, словно гость из нижнего мира, тень сделала два широких шага, а затем бросилась на нее.

У Элли упало сердце. Она замерла, парализованная ужасом. Хотела закричать, но порыв ветра сорвал крик с ее губ и унес прочь.

Она попыталась бежать, но монстр оказался быстрее. Когтистые лапищи легли ей на плечи. Обернувшись, даже в почти непроглядной тьме она различила знакомые суровые черты.

Демиан Берк, Принц-Демон!

– Начинается шторм! – рявкнул он ей в ухо, перекрикивая ветер. – Не лучшее время для прогулки по пляжу!

Элли смерила его гневным взглядом, не находя слов. Изначальный ужас ее рассеялся, и теперь она страшно злилась на то, что позволила себя напугать. Вырвавшись из его хватки, она отступила назад (при этом споткнувшись о камень и едва не полетев вверх тормашками):

– А вы... вы... почему вы не спите?

– Спал бы сном младенца, если бы не заметил в окно, как вы крадетесь по двору замка. Должен признаться, изрядно продрог, ожидая, пока вы совершите полный круг.

– Полный круг?

– Мы на острове, миледи! Теперь-то, конечно, вы и сами это поняли. – И к вою ветра и шуму прибоя присоединился его язвительный смех.

Эта новость поразила Элли до глубины души. На острове! Теперь неудивительно, что она так и не смогла потерять из виду замок. Неудивительно, что он не потрудился запереть ее в комнате или поставить у дверей охрану. С самого начала ее побег был обречен. Она узница здесь – такая же, как если бы сидела в подземелье!

И в довершение, после всего, что она вытерпела, он еще имеет наглость над ней смеяться!

В слепой ярости Элли развернулась и начала колотить его кулаками в грудь.

– Негодяй! Чудовище! Мерзкая крыса! Ненавижу вас! Убила бы, если бы могла!

Она била его и пинала ногами, не заботясь о том, что пальцам ног в тесных ботинках эти удары причиняли нешуточную боль. Попыталась ударить кулаком в челюсть, вцепилась в уши, хотела выцарапать глаза.

Он схватил ее за локти и с приглушенным ругательством развернул спиной к себе и прижал к булыжнику. Так Элли оказалась зажата между холодным камнем и мощным, мускулистым мужским телом.

Он стиснул ее запястья, словно кандалами, так что она не могла больше шевельнуть руками. Своим весом прижал к камню ее ноги – теперь Элли не могла и лягаться. И все же яростно извивалась и, задыхаясь от усилий, старалась сбросить его с себя. Он просто держал ее и ждал, когда она устанет – пока, наконец, осознав тщетность всех своих усилий, она не затихла в его руках.

Элли замерла, стараясь восстановить дыхание. В этот миг новое и нежеланное ощущение пронзило ее. По контрасту с холодным ветром, швыряющим в лицо ледяные капли морской воды, она ощутила жар, исходящий от его тела. Ощутила, как просачивается сквозь соленую сырость пряный мужской запах. Никогда в жизни она так не прижималась к мужчине! Чудовищно... неприлично... и все же... почему так приятно?

Нет, ерунда! Полная чушь! Это странное чувство – от волнения и горячки боя, только и всего. Хоть он и не стал бить ее в ответ, она по-прежнему ни на грош ему не верит.

– Значит, мерзкая крыса? – поинтересовался он, придвинувшись ближе и согревая ей ухо горячим дыханием.

Элли уловила в его тоне улыбку.

– Подходит вам как нельзя лучше! – отрезала она. – Или предпочитаете, чтобы я называла вас Принцем-Демоном?

Из груди его вырвался хриплый рык.

– Уолт рассказал вам об этом прозвище! Когда?

– Какая разница? И немедленно уберите от меня руки!

– Прежде всего, – ответил он, не трогаясь с места, – хочу быть уверен, что приступ ярости позади.

Кровь Элли вскипела, и она вновь забилась в его железной хватке.

– Приступ? А вы чего ждали – что я буду тихой и покорной? После того, как опоили меня и увезли неизвестно куда?

– Я жду, миледи, что вы будете вести себя, как подобает. Иначе придется запереть вас в комнате.

Элли подавила очередное язвительное замечание, рвущееся с языка. Сейчас важнее объяснить ему его ошибку.

– Хватит называть меня «миледи»! Я не леди Беатрис. Я – мисс Стратем. Мисс Элли... Элоиза Стратем.

– Опять вы за свое!

– Да, потому что это правда! Беатрис – моя кузина. – Раздосадованная, Элли повернула голову и бросила гневный взгляд на его суровый профиль, смутно светлеющий в темноте. – У нее волосы золотистые, у меня рыжие. У нее глаза голубые, у меня карие. Кожа у нее белоснежная, а у меня в веснушках. Вы сами сказали, что я не такая уж хорошенькая. Так вот, это потому, что красавица в нашей семье она, а не я!

Лицо его омрачилось, руки чуть сильнее стиснули ее запястья. Элли ощутила, как напряглось все его тело. Он напряженно раздумывал. Кажется, засомневался. Поверит ли ей?

Вдруг он отпустил ее и отступил на шаг.

– Пойдемте, – приказал он. – Поговорим подальше от ветра и дождя.

С этими словами повернулся и зашагал по грязной тропе к замку.

Элли смотрела ему вслед, дрожа от холода, вдруг остро ощутив, что осталась одна. Каков наглец – думает, что она побежит за ним, как собачонка! Мало того, что негодяй, еще и высокомерный, грубый, самоуверенный... невыносимый негодяй!

На секунду она даже задумалась о том, чтобы броситься в море и утонуть в холодных волнах – просто ему назло. Но ведь тогда она не допишет свою сказку! Принцесса Арианна так и не вернется домой, не встретится с королем и королевой, которые оплакивали ее, как умершую. А у самой Элли никогда не будет уютного домика в деревне, где она сможет жить, как пожелает, и следовать своим мечтам.

Девушка стиснула зубы и принялась взбираться по каменистому склону к замку. Она знает, зачем живет – и никакому Демиану Берку не позволит разрушить свои планы! Осталось только убедить его, что он похитил не ту женщину.

Глава 8

Неужели он похитил не ту женщину?

Борясь с тяжелой дубовой дверью, Демиан испытывал сильнейшее желание со всей силы врезать по ней кулаком. Соленый морской воздух разъял все засовы в этом проклятом замке! Он снова дернул за железную задвижку – и наконец с громким протестующим скрипом она отъехала в сторону и позволила открыть дверь.

Остановившись в дверном проеме, он бросил взгляд на фигурку в плаще с капюшоном, бредущую за ним по темному двору. Ветер крепчал; несколько раз девушка пошатывалась и едва не падала под его порывами. Но он подавил желание прийти ей на помощь. Стоит снова к ней подойти, и эта ведьмочка, пожалуй, голову ему откусит!

Черт! Неужели это действительно не леди Беатрис Стратем? Он не мог поверить, что допустил такую дурацкую ошибку. Сестру Уолта он выслеживал несколько дней. Часами сидел в засаде перед дверью распроклятой модистки, чтобы затем, в удобную минуту выпрыгнув из засады, схватить ее, усыпить и погрузить на один из принадлежащих ему кораблей – быстроходную шхуну, команда которой отвезла хозяина на остров, не задавая вопросов о том, что за женщину в бессознательном состоянии он везет с собой.

Тогда Демиан поздравлял себя с тем, как удачно разработал и выполнил этот план!

Но, похоже, не так уж удачно. Если девица говорит правду, его план обернулся катастрофой.

Вчера, когда она очнулась в башне, он отмахнулся от ее уверений, сочтя их неловкой попыткой его обмануть. Почти не слушал, уверенный, что она хитрит в надежде получить свободу. Верно, в сравнении с утонченной красоткой, за которой он следил издали, эта девушка выглядела... довольно невзрачно. Но эту разницу он объяснил тем, что ни разу не видел ее вблизи. Как она может быть компаньонкой – унылой старой девой, вечно облаченной в бесформенное серое тряпье? Что за нелепость! Эта компаньонка, для начала, дама средних лет, а его пленница молода и стройна.

Однако несколько минут назад она холодно и четко перечислила внешние различия между Беатрис и собой: цвет волос, кожи, глаз. И в голосе ее при этом звучала искренность, которую ни с чем не спутаешь. «Вы сами сказали, что я не такая уж хорошенькая. Это потому, что красавица в нашей семье – Беатрис, а не я!»

В груди медленно рос холодный скользкий ком ужаса. Черт побери, как он мог так обознаться? Если эта настырная девица окажется не Беатрис, а ее кузиной – а похоже, что так оно и есть, – весь его план вернуть украденный Уолтом ключ полетит к чертям!

Девушка приблизилась к порогу, где ее ожидал Демиан. Лица в темноте было не разглядеть, но вся ее фигура излучала негодование. Он отступил, пропуская ее, и она прошла мимо, подобрав юбки, чтобы даже случайно его не коснуться.

Холодный морской воздух прорезала слабая нотка аромата сирени. Тот же сладостный женский запах взволновал его чувства чуть раньше, когда он прижал девушку к валуну.

Но Демиан молча послал свои чувства ко всем чертям. Кем бы она ни оказалась, даже думать о том, чтобы уложить ее в постель, – верх идиотизма. Нечего вспоминать, с какой энергией и решимостью она извивалась в его объятиях. Или о том, как ее округлый зад терся прямо о... Нет, хватит! Он занят серьезным делом, ему не до игр.

Словно желая на этом поставить точку, Демиан с грохотом захлопнул тяжелую дверь. Они стояли в просторном мрачном холле; на каменных стенах вокруг виднелись потертые гобелены и ржавые щиты. Единственный свет здесь исходил от масляной лампы на столе да от мерцающих янтарем углей в камине.

– За мной! – коротко приказал он.

Широкими шагами подойдя к огромному очагу, Демиан подбросил в огонь несколько поленьев. Затем схватил кочергу и, пожалуй, чересчур энергично разворошил пылающие угли. Языки пламени принялись лизать дерево; Демиан обернулся – и увидел, что его невольная гостья прячется в тени, не сводя глаз с железного орудия у него в руке.

Боже правый! Неужто боится, что он набросится на нее с кочергой?

Раздраженный, он прислонил кочергу к каменной стене и махнул девушке в сторону скамьи у очага.

– Садитесь, – резко приказал он. – Замерзли, должно быть.

Она не двинулась с места.

– Где миссис Макнаб?

– Наверняка спит. Время уже за полночь.

– Я с вами здесь одна не останусь!

– Учитывая ваше безумное заявление, мисс Стратем, думаю, вы вправе ожидать, что я захочу задать вам несколько вопросов, и немедленно. Предпочитаете отвечать здесь или в спальне?

Поджав губы, она присела на самый край скамьи, поближе к огню.

– Ничего безумного в этом нет. Пора вам наконец признать, что леди Беатрис осталась в Лондоне!

Она протянула к огню руки в перчатках, и зеленый капюшон упал на спину, обнажив буйную массу кудрей, в свете пламени отливающих красным. Несколько часов назад, едва проснувшись, девушка выглядела бледной и вялой, но сейчас щеки ее покраснелись от холода и ветра. Бледная россыпь веснушек на переносице придавала ей невинный, почти детский вид, странно контрастирующий с несговорчивым нравом и острым языком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.